

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

РИЧАРД ЛАЙМОН
ОДНОЙ
ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

Ричард Лаймон
Одной дождливой ночью
Серия «Мастера ужасов»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67630535
Одной дождливой ночью: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146008-2

Аннотация

Странный черный дождь саваном накрыл маленький городок Биксби. Теплые густые капли облепляют кожу, просачиваются сквозь одежду, везде оставляя свой след. И любой попавший под этот ливень – меняется. Человека начинают переполнять ненависть, ярость, жестокость и неутолимая жажда убивать всех тех, кто сумел остаться сухим. Дружелюбные соседи превращаются в безумных маньяков. Люди, стоявшие в очереди перед кинотеатром, врываются в зал и расправляются там с беззащитными зрителями. И лишь несколько человек в силу разных обстоятельств остаются в здравом уме. Теперь жизнь этих людей превращается в игру на выживание с совершенно непредсказуемым результатом, а единственный путь к спасению – найти истоки проклятия, поразившего Биксби, и при этом не попасть под дождь, так как сопротивляться его действию невозможно.

Содержание

Смерть на поле	6
Будет неласковый дождь	17
1	17
2	21
3	26
4	36
5	41
6	49
Прорыв	59
1	59
2	62
3	66
Зачарованные	70
1	70
2	77
3	86
4	94
5	99
6	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Ричард Лаймон

Одной дождливой ночью

Richard Laymon

ONE RAINY NIGHT

© 1991 by Richard Laymon

All rights reserved.

© Григорий Шокин, перевод, 2022

© Валерий Петелин, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Посвящается Рен и Иде Маршалл.
Самым лучшим из всех, кого я знаю.
Да пребудет удача ирландцев с вами вовек.*

*Бьют по мне капельки дождя
Выплакивать глаза не собираюсь, впрочем, я –
Плакать мне нельзя,
Дождь
не остановит мои глупые слезы...*

Би Джей Томас¹

¹ Песня Бёрта Бакарака и Хала Дэвида, написанная в 1969 г. Певец Би Джей Томас (В. J. Thomas, он же Billy Joe Thomas) был ее первым исполнителем. Написана она была для весьма популярного в свое время фильма «Butch Cassidy and Sundance Kid», выдержала множество кавер-версий. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

Смерть на поле

Чистое безумие, – подумал Хансон. Но не слез.

Рабица, ограждавшая футбольный стадион Средней школы Линкольна, тряслась, пока он карабкался вверх. Металлическая сетка похрустывала да позвякивала – каждый ее звук казался дьявольски громким в безмолвии ноябрьского вечера. Но, как полагал Хансон, услышать этот шум здесь было определено некому. Ближайшие дома были вне поля зрения, за трибунами в дальней части стадиона. А за спиной – пустое поле, вытянулось вдаль аж до корпусов школы. Сам стадион тоже выглядел пустынно. Так что, как забор ни трясись, как ни звякай – услышать некому. И Хансон это понимал... но звуки все равно как-то подспудно заставляли нервничать. Как заставлял бы нервничать шепот палой листвы под ногами одинокого путника, идущего глубокой ночью через кладбище. Сердце колотилось в груди. Пот, казалось, тек сразу из всех пор. Руки и ноги сотрясала дрожь.

Залезть на забор было просто. Удержаться – куда сложнее. Добравшись до самого верха, он перевалился за край, пролетел два с лишним метра до земли, приземлился на полусогнутые колени – дабы хоть как-то уменьшить силу удара. Пояс с кобурой врезался в живот, недовольно скрипнула форменная куртка-кожанка, звякнула мелочь в карманах и наручники в чехле. Выпрямившись, Хансон подтянул шта-

ны. Вытер потные руки о перед рубашки.

Что ж, добрался, – подумал он. Стоило ли добираться, впрочем – тот еще вопрос.

Он медленно пошел по траве, глядя на северные ворота – прямо впереди. Надо быть наивным простачком, чтобы всерьез надеяться на то, что здесь нарисуеться что-то новенькое. Тут все тщательно прочесали прошлой ночью, а потом еще разок – днем. Сфотографировали, подобрали, поместили и вынесли все: и самого бедолагу, и его одежду, спички, окурки, жбан из-под бензина, обертки, прочий сор – словом, все, до чего добрались загребушие ручки, даже то, что, возможно, никакого отношения к преступлению и вовсе не имело. Сняли весь дерн вокруг перекладины, к которой парня привязали, – шутка ли! Хотели и самую воротную стойку унести, но шериф решил – оно того не стоит. Пришлось ограничиться горелой травушкой – само по себе хорошее доказательство.

Ловить тут было категорически нечего.

Но Хансон, раскатывавший на патрульной машине по окрестностям, вдруг осознал, что нет-нет да и свернет в сторону школы, нет-нет да и замедлит ход у стадиона – и начнет высматривать эти чертовы ворота. В конце концов он припарковался неподалеку и покинул служебный автомобиль – даже не отрапортовав перед этим по радио куда следует. Чистое безумие.

Вышагивая по гаревой дорожке, он корил себя. *Хоть Лю-*

си бы позвонил. Ведь ничего сложного – наврал бы, что свернул туда-то и туда-то перекурить чуть пораньше. Хотя врать, конечно, нехорошо. Он ведь на ней жениться собирался. А любимых женщин уж точно водить за нос не стоит.

Даже лучше, что все сложилось вот так вот, – подумал он. – В любом случае она меня прикроет, если что-то тут случится.

Трава под ногами была сухая и пружинистая. Он шел через конечную зону. Ворота как-то забавно расплывались перед глазами. Встал Хансон аккуратно у круга срезанного дерна. Посмотрел.

Снова захотелось задать самому себе вопрос – *какого черта это место его так манит?* Видеть жертв убийств ему уже приходилось. Впрочем, не так уж их было и много. И из них только Дженнифер Сэйерс кончила по-настоящему плохо. Ее не сожгли, как этого паренька. Изнасиловали – и запытали до смерти. Вид ее обезображенного тела подарил Хансону не одну беспокойную ночь, но прогуляться в лесную чащу, где ее нашли, его как-то не тянуло. А тут – почему-то – совсем иной случай.

Вот-вот, – подумал он. – Почему-то.

Максвелл Чайди был из черных. Вот, наверное, причина. Лежит на поверхности.

Чем отличается ниггер от лука? Когда режешь лук – на глазах слезы.

Обычно Хансон смеялся над подобными остротками. Да

чего уж таить, бывало, сам их выдавал.

Вот почему я здесь, – дошло до него. – Подспудное чувство вины.

Они сделали это с парнем, потому что он был черный. Белые люди. Раздобыли себе черномазика.

Черт, это всего лишь догадка, версия. Возможно, дело было совсем не в этом. Мы же не в Алабаме, в конце концов. Мотив мог быть банальнейшим. Зависть, жадность. Может, парень толкал травку, прослыл в школе буржуем, и...

Ну конечно же. Раз черный – так непременно толкач.

Все по накатанной.

Прожекторы стадиона вспыхнули.

Хансон вздрогнул, сделал судорожный вдох. *Господи. Застукали.*

Он обернулся. Оглядел трибуны по обе стороны поля. Никого.

Сохраняй спокойствие, – приказал он себе.

Надо полагать, просто завхоз дозором обходит. Может, и вовсе не знает, что я здесь. И все же...

Черт. Я полицейский. У меня здесь – свои дела.

По-прежнему никого не было видно.

Но кто-то же включил свет.

Дух Максвелла.

Ну да, ну да, КОНЕЧНО.

Но по коже побежали мурашки, едва он представил себе мертвого мальчика, что, пошатываясь, бредет через ворота

стадиона к полю. Черная фигура, скрытая сумерками, шаркает при ходьбе. Изломанное тело, протянутые вперед руки, пальцы – скрючены. Лица нет. Один лишь обугленный ком над плечами – только с зубов копоть сошла, и они знай себе сверкают...

Ему казалось, что он почти слышит, как обгоревшие ноги Максвелла неспешно загребают землю, как хрустит его запекшаяся кожа, хрустит – и слетает черными хлопьями вниз, будто мертвая опаль.

Вот прихвачу-то я тебя сейчас, белый законник.

Так, хорош, велел самому себе Хансон, прекрасно зная: снятое с предохранителей воображение уже не так-то просто остановить. Он огляделся. Пересчитал глазами проходы под трибунами. По три – с каждой стороны. Темные дыры. Туннели, ведущие вглубь, к автоматам с прохладительными напитками и туалетам, и дальше – к воротам и забору.

Будет тебе. Пугаешь себя почему зря. Максвелл – в морге, а не...

Через поле, у ближайшей дорожки, появилась чья-то фигура.

Человек. Белый. В болотно-зеленом комбинезоне.

Завхоз?

Хансон вздохнул. Он чувствовал себя, как если бы все его силы вдруг иссякли. Стоять прямо – и то без дрожи не выходило.

Человек поднял руку в приветствии, затем поднялся на за-

бор и прыгнул вниз, на траву у конца бегового трека. Встав на обе ноги, он пошел к Хансону, хромая.

– Добрый вечер, офицер, – поприветствовал он.

Хансон кивнул.

Волосы человека поблескивали под огнями стадиона. Ушей они топорщились седой щеткой. Его худое лицо было обветрено, и выглядел он жилистым и крепким. Каждый его шаг сопровождало позвякивание ключей.

– Тоби Барнс, – представился он, протягивая навстречу руку.

Хансон пожал ее.

– Боб Хансон.

– Только-только притопал сюда, Боб. Увидел твою машину снаружи. Не возражаешь, коли спрошу, как сюда пробрался?

– Перелез через забор.

Тоби, казалось, повеселел.

– Здорово. Я-то боялся, какой-то идиот оставил ворота незапертыми. Прости, что меня поблизости не случилось, – я б нормально пустил.

– Да никаких проблем.

– Ну, я подумал, в любом случае свет тебе не помешает. Я глава техобслуживания, знаешь же? Слежу за командой уборщиков. Почти вся орава – шалтай-болтай ленивые, – Тоби отвел глаза от Хансона, уставился на стойку ворот и нахмурился. – Жуть-то какая, – тихо произнес он. – Есть идеи,

чьих это рук было дело?

– Мы работаем над версиями. Мне просто вдруг захотелось побыть здесь, и... ощутить ситуацию, что ли. Подумать над всем.

– Ты, наверное, и прошлой ночью здесь был.

– Так точно.

– Невеселое то было зрелище, наверное. Уж я-то навидался за жизнь зажаренных... Пожарным был, в Бейкерсфилдском департаменте – пока с крыши однажды не навернулся, – он хлопнул по правой ноге. Хлопок вышел странный – как будто под брючиной скрывалось что-то, что человеческой кожей явно не являлось. – Не сильно-то и хочется на такие вещи смотреть. И не привыкнешь ни в жисть. Такая уж работа – подвнешься, и вскоре все сам смекнешь.

Хансон, решивший не выказывать преждевременных симпатий, все же почувствовал некое мрачное восхищение.

– Они не смогли завлечь меня зарплатой, – ответил он. – Вот и не стал я огнеборцем.

Тоби, ухмыльнувшись, кивнул. Его глаза все еще были прикованы к воротам.

– Думаешь, это дети учинили?

– Не знаю. Но, похоже, да.

– У нас здесь, насколько знаю, нет всяких банд.

– Банд?

– Ну да, такие делишки обычно обстрепывают банды. Расправы с огоньком.

– Вы знали того парня? – спросил Хансон.

– Видал у школы, – Тоби обратился к нему, чуть поникнув. – У нас не так уж и много было цветных, сам знаешь. Этот Чайди, он был не такой, как остальные. Высокий парняга, вроде и красавчик немного, говорил забавно. Думаю, с островов явился – Ямайка, Гаити, откуда-нибудь оттуда. Никогда от него не слышал этих «эй, беляш, братюня, мазафака». Говорил он так, будто был из толковых да родовитых, чуешь?

– Какие у него были отношения с другими учащимися?

– Ну, как я ведал, так он с другими черными не особо водился. Остальные – они кучковались всегда, и это, думаю, в них природой заложено, а он гулял сам по себе. Или с белыми. С девчонками, как правило. Ему, похоже, беленькие были больше любви.

В сердце Хансона родились подозрения.

– У него, выходит, была белая девушка?

– Ну что-то вроде. Я ее имя-то знать не знаю, но выяснить для тебя, Боб, смогу. В последние недельки они знай себе парочкой ходили. Надо думать, любили друг друга.

– Что ж, вот оно как, – пробормотал Хансон.

– Ну да, я теперь и сам смекаю – такие дела не всем могли по душе прийтись, с какой стороны ни глянь – с черной ли, с белой.

– Да, я об этом и...

Они оба подскочили и запрокинули головы – небо над ни-

ми, казалось, взорвалось. На мгновение Хансон решил, что прямо над стадионом произошло столкновение в воздухе. Но то, что он увидел, было лишь жгучей, яркой вспышкой молнии, ветвистой, как гигантское дерево, прорезавшей сверху вниз темный мусс большой тучи. Грохот уже затихал, но в ушах до сих пор жили отголоски.

– Бог ты мой...

Хлынул дождь.

Как будто саван, сотканный из мутной воды, укутал стадион, обратив горящие софиты в тусклые желтые лампочки. Едва свет померк, дождь окатил Хансона. Большие горячие капли забарабанили по его плечам и лицу. От них кожу покалывало. Они, казалось, мгновенно впитывались... и согревали изнутри. Его вдруг охватило необъяснимое, диковатое волнение.

– Срань господня, – произнес Тоби.

Полицейский и завхоз глянули друг на друга – сквозь стены темной воды и облачка невесть откуда взявшегося пара, дрейфующие кругом. Горячие струи рассеивали мягкую ноябрьскую прохладу. Тоби выглядел так, будто кто-то опорожнил чернильницу ему на макушку. Только глаза и зубы остались белыми.

А зубы были так хорошо видны, потому что Тоби недобро скалился.

Хансон выхватил револьвер из кобуры, едва Тоби бросился на него, глухо рыча. Его руки метнулись к шее Хансона,

пальцы впились в гортань. Уперев дуло табельного револьвера тридцать восьмого калибра в живот Тоби, Хансон трижды быстро спустил курок. Выстрелы больно ударили по ушам. Тоби отшатнулся, сложившись пополам. Четвертая пуля ударила в его лысеющую макушку, замаранную черным. Школьный завхоз тяжело опустился на землю, да так и остался сидеть, протянув ноги.

Хансон, отступив на шаг, ударил ногой по тому, что осталось от головы врага. Он надеялся на то, что голова оторвется и полетит над полем, как хороший такой футбольный мяч, но, несмотря на усилие, все, что он смог сделать – опрокинуть тело навзничь.

Левая нога вдруг заскользила по мокрой траве, и, замахав руками и крикнув, Хансон плюхнулся на спину рядом с Тоби. Застигнутый падением врасплах, он некоторое время лежал неподвижно. Теплый дождь воспринимался кожей на ура. Как хороший душ... впрочем, даже лучше. Выпустив из рук револьвер, Хансон раскинул руки и ноги в стороны. Содрогнулся от удовольствия и застонал.

Повернув голову, он увидел тело Тоби рядом с собой.

Ничего себе, – пронеслась мыслишка. – Грохнул я этого выродка.

Он рассмеялся. Чувствуя, как дождевые капли шлепаются на зубы и стекают вниз, в глотку, он раскрыл рот пошире и вывалил язык.

Дождь на вкус мало походил на воду.

Распробовав его получше, Хансон решил, что чем-то дождевая вода напоминала кровь.

Не сильно. Совсем чуть-чуть.

Мягкий, пряный вкус. С очень тонкой медной ноткой.
Очень тонкой.

Казалось, он мог пить этот благостный нектар небес вечно.

Хансон перевернулся, приподнялся и пополз на локтях и коленях. Ухватив Тоби за уши, он притянул голову завхоза к себе. Прижал рот к тому месту, куда вошла пуля, – и принялся жадно лакать.

Будет неласковый дождь

1

Ранее в тот же вечер, в то время как полицейский Боб Хансон все еще курсировал по улицам вокруг Средней школы Линкольна, четыре пули все еще покоились в обойме, ну а Тоби Барнс был все еще жив, Франсина Уолтерс сидела на диване в гостиной, подвинув пульт от телевизора поближе, и выжидала местные шестичасовые новости.

Когда заиграла музыкальная заставка, она залила в себя остатки виски со дна бокала.

– Добрый вечер, – сказала телеведущая Кристина Доннер. – К новостям последнего часа: следователи продолжают искать подозреваемых в жестоком убийстве семнадцатилетнего Максвелла Чайди, учащегося Средней школы Линкольна. Тело было обнаружено прошлой ночью на недавно отреставрированном школьном стадионе...

– Помяни мое слово, – изрекла Франсина, – парень наорвался и получил по заслугам. Видит Бог, ни за что его бы не прижали.

– Херня чистой воды, – пробормотала Лиза.

Франсина повернула голову к девушке.

– Что? Что ты сказала?

Лиза посмотрела на нее из недр кресла-качалки.

– Херня это чистой воды, вот что я сказала. Ты его не знала – так что не говори.

– Я прекрасно знаю, о чем говорю, юная леди, и не стоит вам общаться со мной в таком тоне. Что вообще с тобой такое? С самого утра – будто не с той ноги встала.

Недовольство потихоньку ушло из взгляда Лизы. Она открыла рот, будто намереваясь что-то сказать, но слова так и остались произнесенными. Губы девушки сомкнулись снова. Их уголки дрожали. Бледный подбородок мелко ходил вверх-вниз. Ее глаза наполнились слезами.

– Лиза?..

– Просто оставь меня в покое.

Она откинулась в кресле. То резко качнулось назад, и колени девушки, подброшенные вверх, врезались в край обеденного стола. Не так чтобы сильно, но бокальчик, стоявший на краю, подбросило вверх, и он сначала опрокинулся, выплеснув свое содержимое из кубиков льда и воды, а затем и вовсе скатился со стола, мягко ударившись о ковер.

– Глянь, что ты натворила! – всполошилась Франсина.

Шмыгнув носом, девушка подскочила и выбежала из комнаты.

Да какой же комар ее укусил?

Осторожно поставив свой стакан, Франсина встала. Услышала, как хлопнула дверь и звякнул язычок замка. Близковато для спальни Лизы. Наверное, ванная – ближе к коридору.

Она прошла мимо кресла Лизы, аккуратно присела на корточки, подняла стакан и собрала в него кубики льда с бежевого ковра.

Слава богу, в нем была только вода, – подумалось ей. Лиза бросала лед в стакан, даже если пила молоко или содовую. Остается благодарить все счастливые звезды на небосводе, что что-нибудь из *этого* не оказалось сегодня на полу.

Франсина поставила стакан в раковину и отправилась на поиски Лизы.

Затянувшийся переходный возраст дочери начинал ей потихоньку досаждать, но сегодняшний эпизод не укладывался в картину типичных истерик Лизы, как правило, спровоцированных месячными. Нет, тут что-то посерьезнее. Может быть, связанное со смертью этого черного парня.

Надо было мне догадаться, – подумала она.

Как она и подозревала, дверь ванной была заперта.

– Дорогая?..

– Оставь меня в покое.

По высокому, надломленному голосу девушки было очевидно, что она все еще плакала.

– Ты в порядке?

– Нет!

– Этот стакан – пустяк, милая. Выйди, пожалуйста. Тебе ведь к Фоксвортам через час, а ты...

– Я не поеду.

– Они рассчитывают на тебя. Выходи, и пойдем обратно

за стол.

Спустя несколько секунд замок щелкнул, и дверь распахнулась. Лицо Лизы было красным-красно, глаза налиты кровью, на щеках – блестящие дорожки слез. К носу прижата салфетка.

Видя дочь в таком виде, Франсина поняла, что сама вот-вот разрыдается.

– Что с тобой, милая? – спросила она.

– О, мама! – Лиза рванулась вперед, обняла Франсину и крепко-крепко к себе прижала. Рыдания сотрясали ее плечи. – Я любила его! – выпалила она. – Я так любила его, а они его убили!

Покончив с бутербродом, Дениз Гундерсон согнула бумажную тарелочку пополам и бросила в мусорную корзину. Достав из охладителя печенье в шоколадной глазури, она надкусила его, предусмотрительно подставив ладошку на случай крошек, и, жуя, пошла в зал.

– Ну, фто у нас стесь? – спросила она с набитым ртом.

Ей было прекрасно известно что – пакет с тремя видеокассетами, что она взяла в прокате этим утром. Просто, оставаясь дома одна, она любила говорить сама с собой – хоть как-то нарушалась тишина.

Усевшись на пол по-турецки, она забросила в рот остатки печенья, вытерла пальцы о колготки и вытряхнула кассеты из пакета. «Соглядатаи», «Почти стемнело» и «Техасская резня бензопилой». Покачав головой, тихонько хихикнула и пробормотала:

– Отличненько. Самое то для беззаботного семейного просмотра.

Тому – точно понравится. Может, он их уже и видел, но разве это его колышет? Подобное он может крутить без остановки, и каждый раз будет ловить тот же кайф – что от первого раза, что от всех последующих.

Интересно, хватит ли ей духу позвать его?

Часы на плеере-кассетнике показывали 6:11 вечера.

Если собираешься вызывать его, – подумала Дениз, – то самое время. Пока он куда-нибудь не намылился.

Стараясь игнорировать взволнованное трепыхание сердца, она поднялась на ноги. Пройдя на кухню, уставилась на телефон, висящий на стене, чувствуя себя чертовски неуверенной. Капли пота стекали по лопаткам.

– О ужас, – пробормотала она.

Если предки узнают, что я его сюда притащила...

У них было одно строгое, непреклонное правило: никаких парней в доме, если их самих дома нет.

И пока что Дениз его не нарушала. Искушение не уходило, но страх быть пойманной, пусть даже за невинным просмотром ужастиков с парнем, всегда преобладал.

Сегодня, однако, шанс, что родители ее застукают, приближался к абсолютному нулю. Предки должны были заночевать у друзей в Тибуроне, а тот был в двух часах езды от Биксби. Они позвонили ей в 5:30, просто убедиться, что у нее все в порядке. И папа, который ненавидел поездки в ночное время, явно не собирался поспеть домой до рассвета. Он с мамой планировал уехать из Тибурона в середине дня.

Тем не менее что-то *всегда* может пойти не так. Соседи могут увидеть, как Том приходит или уходит. Или его тачка сломается прямо на подъездной дорожке и проторчит там до тех самых пор, пока предки не вернутся. Может случиться землетрясение, и они окажутся с Томом зажатými на пару в доме.

– Это было бы даже романтично, – вслух сказала она с ухмылкой. – К черту все, позвоню ему.

Она вытерла липкие руки о колготки, глубоко вдохнула и потянулась к трубке. Но тут телефон зазвонил сам, и она вздрогнула всем телом, растеряв все дыхание.

Это Том, – подумала она. – Так и знала – он чертов телепат.

Она подняла трубку.

– Слушаю?

– Дениз?

Не он. Женский голос, смутно знакомый.

– Да, я.

– Это Лин Фоксворт. Ты же была у нас сиделкой пару месяцев назад?

– Да-да. – *О нет,* – подумала она, но в голос напустила веселости. – Вы – мать Кары.

– Мне очень стыдно, что я вот так тебя без предупреждения беспокою... я вообще себя весь вечер ужасно чувствую. Если у тебя уже есть планы на сегодня – все нормально, я подыщу кого-нибудь еще. Мы в ужасном цейтноте. На семь назначен ужин, а мне только что звонила Франсина Уолтерс – мама Лизы, да, я просила Лизу посидеть с Карой, но Франсина чем-то сильно расстроена, кажется узнала, что Лиза горюет из-за этого убитого мальчика, они ведь дружили, ты знаешь? Ну и, в общем, Лиза вроде как знает, кто это сделал, и Франсина хочет свезти ее в полицию – жуть какая,

представляешь? – ну и вот, Лиза не сможет посидеть с Карой, и это, наверное, к лучшему, вдруг эти убийцы захотят и с ней разделаться – жуть, как есть тебе говорю! Но что хуже, мы ведь теперь без сиделки остались, такой цейтнот, такой цейтнот, и вдруг у тебя уже есть планы?! Кара так тебя любит, я знаю, и я подумала, вдруг ты сможешь посидеть с ней еще разок – что думаешь?

Дениз зажмурилась. Слегка качнула головой влево-вправо. Особая манера миссис Фоксворт тараторить без умолку, перескакивая с темы на тему, всегда несколько выбивала ее из колеи. *Надо было не брать трубку*, – подумалось ей.

– У меня тут вроде как встреча намечалась, – сказала она.

– Ну так бери его с собой и иди сюда! – выдала миссис Фоксворт. – Боже, что я несу! О, ни за что бы не предложила такой выход Лизе, но – я ведь знаю, какая ты надежная, ответственная, умная девочка! Развлечений тут у нас, конечно, не особо сыщется – еда разве что да газировка, но, в конце концов, поиграете с Карой, почитаете ей что-нибудь...

Да, – подумала Дениз, – отчаянная у этой женщины ситуация, раз она на такое готова. Или я взаправду страдаю избытком надежности и благоразумности.

– Мы вернемся не очень поздно. В десять или в одиннадцать.

– Ну, хорошо, не знаю, как мой друг, но я буду точно. Во сколько мне подойти?

– Нам нужно выйти не позднее без десяти семь, так что –

в любое время до этого.

Дениз взглянула на кухонные часы. 6:14.

– Если ты еще не кушала...

– Да только что закончила.

– ...я накрою тебе, вот что хочу сказать, и... О, Дениз, ты меня просто выручишь. За мной должок. Спасибо большое.

– Рада помочь. Скоро буду.

– Хочешь, Джон за тобой заскочит?

– Нет, в этом нет необходимости. Но спасибо.

– О, не благодари меня! Ты меня спасла, на самом деле.

– Ладно, я пойду собираться.

– О, хорошо, хорошо. Отлично! Буду ждать тебя.

– До свидания, миссис Фоксворт.

Дениз повесила трубку. Подумала о взятых кассетах. О Томе.

Сразу сделалось грустно.

– Это еще не конец света, – пробормотала она.

Может быть, нет худа без добра, – думала она, идя в свою комнату, чтобы переодеться. – Не буду нарушать правила предков. Нет искушения – нет беды.

Может быть, я ХОЧУ беду на свою голову.

Эх, да только вот опять с носом останусь.

Дениз еще не знала, что в этот вечер беды не миновать ну никак.

Паттерсон, убравший стол, наклонился вперед и ухмыльнулся, когда Тревор Хадсон вошел внутрь полицейского участка.

– Когда ты начнешь жить своей собственной жизнью, Хадсон?

– Я просто не мог оставить тебя одного, – сказал Трев. – Уж я-то знаю, как сильно ты меня хочешь.

– Ай, чмокни меня в жопу, дружище.

– Все ради тебя, сладкий.

Трев пролез за перегородку, приветственно улыбнулся Люси и был уже в двух шагах от стола, когда Паттерсон отворотился, насупившись.

– Эй, это только фигура речи!

– Да? Ладно-ладно. – Он придвинул вращающееся кресло на колесиках и сел.

– А так-то – вечер субботы, парень, *субботы*, сечешь? Тебе сейчас не со мной зависать нужно, а с какой-нибудь бабой.

– Я бы предпочел зависнуть с тобой, – сказал он, подмигивая дородному сержанту.

Люси за диспетчерским постом, расположившимся в углу, посмотрела на него и улыбнулась.

– Следи за языком, Трев, а то Пат – мужик чувственный, возьмет да и перескочит к тебе на коленочки.

– Я был бы не против *тебя* на моих коленочках, – отметил Паттерсон.

– Даже не мечтай, – сказала она и отвернулась – на пост поступил вызов.

Тре́в выдвинул верхний ящик своего стола. Он вынул карточку, предоставлявшую долларовую скидку на большую пиццу у О'Кейси, и пристроил ее в свой бумажник.

Ну и дела, – подумал он, запихивая бумажник обратно в задний карман брюк. – *Зашел на работу забрать скидочник. Абсурд.*

Ничего абсурдного, – поспешил он заверить себя в обратном. – *Все равно же – по пути к О'Кейси. А денег лишних не бывает.*

Но на душе у него скребли кошки – он прекрасно знал, что реальная причина заехать за скидочным талоном связана не с бережливостью, а с оттяжкой времени. Тактическая проволочка.

Морин ведь может там даже не оказаться. На прошлой неделе Тре́в заставлял ее всякий раз, когда туда приходил, но сейчас суббота, и не должна же она, в конце концов, работать *каждую* ночь.

С другой стороны, «перекусочные» часы субботнего вечера для О'Кейси должны быть самым горячим времечком. И потом, она в семейном бизнесе. Похоронив Мэри в городе три недели назад, она вернулась, вновь открыла пиццерию и стала ждать клиентов. По словам ее брата, она осталась у

Лиам на неопределенный срок, с намерениями заботиться об отце и помогать ему с ведением дел.

Так что вряд ли ее там не окажется.

Что ж, если она там, то Тревор наконец-то сделает решительный шаг. Он придет туда не просто рассыпаться в комплиментах и глазеть на нее, пока она будет хлопотать у столиков. Он планировал пригласить ее на свидание. Хоть и не был уверен, что ему хватит наглости.

Я ей нравлюсь, – подумал он. – Уж я-то знаю.

Дело было даже не в этом ее насмешливо-дружелюбном тоне – так она говорила со всеми посетителями. На других она так не смотрела, как на Трева. Когда их взгляды встречались, она, казалось, всматривалась в самую его душу, будто пытаясь найти что-то на дне его глаз, интересуясь чем-то... и было в этом что-то от молчаливого вызова.

Она хочет, чтобы я ее пригласил. И не понимает, почему я этого до сих пор не сделал. Ищет причину.

Я должен это сделать, – подумал Трев. – Сегодня. Сейчас.

Но он остался сидеть за своим столом и таращиться поверх пустынных рабочих мест на дверь, ведущую в комнату для допросов.

Давай, – приказывал он себе. – Встань – и иди. Сделай это.

– Все ворон ловишь? – спросил Паттерсон.

Трев посмотрел на него.

– Просто задумался, – ответил он. – Попробуй и ты как-нибудь половить. Авось понравится.

– Поавоськай мне тут, – хмыкнул Паттерсон и явно хотел добавить что-то еще, но тут кто-то, похоже, вошел в участок, и сержанту пришлось отвернуться.

Трево посмотрел на часы на стене. Шесть двадцать пять.

К О'Кейси надо заявиться в восемь, в середину смены. Если он появится столь рано, Морин он может на дежурстве еще не застать. Придется ждать два лишних часа...

Не будь такой трусливой цыпой!

Отъехав на кресле от стола, он начал подниматься, но тут слышал за спиной шаги. Обернулся. Паттерсон шагнул к нему с серьезной миной.

– Раз уж ты все равно здесь, – тихо сказал он, – разберись-ка с этим.

Трево увидел двух женщин – взрослую и девчонку-подростка – по ту сторону приемной.

– Видишь, я как раз собирался...

– Речь идет об убийстве Чайди. Ты знаешь больше, чем я.

– Ну, я был на месте преступления вчера вечером, только и...

– Девушка знала Чайди лично. Они, похоже, встречались.

– Ладно, – вздохнул Тревор. – Ладно. Я поговорю с ними.

Чего расстраиваешься? – попробовал он приободрить себя. – *Сам же искал повод задержаться, а кто ищет – тот находит. Все равно Морин там еще нет. А эта парочка вряд*

ли много времени отнимет.

– Ты не пожалеешь, – сказал Паттерсон, закатывая глаза и выпячивая губы. – Смотри, какие хорошенькие бабенки. Может, хоть с кем-то повезет, – нацепив на лицо выражение интригана, он отвернулся, направился к женщинам и сказал: – Офицер Хадсон примет вас! Заходите, коли хотите. – Он кивнул в сторону прохода в дальнем конце приемной стойки.

Тре́в встретил их там. Смерил обеих быстрым взглядом, заключил, что увиденное его не сильно-то и воодушевляет, и одарил их улыбкой, которая, как он надеялся, хотя бы казалась благожелательной и успокаивающей.

– Спасибо, что пришли. Я – Тревор Хадсон.

Старшая – надо полагать, мать девушки, – сузила глаза, будто ожидала, что Тре́в обратит на нее чуть больше внимания. И, может статься, втайне на это надеялась.

– Франсина Уолтерс, – представилась она. Голос был побитый жизнью, как и весь ее видок в целом. Ей было, наверное, немногим за сорок, но Тре́в видал такой тип женщин и раньше – в свои сорок они выглядели на все пятьдесят. Ее волосы были обесцвечены до лапшисто-блондинистого цвета – правда, истинный цвет выдавали корни. Слишком много макияжа на глазах. Слишком яркая помада. Лицо худое, вытянутое, и морщины пролегли не в тех местах, где обычно. Лицо женщины, которая улыбалась мало, а вот хмурилась или недовольно поджимала губы чаще, чем стоило. –

Это Лиза, – указала она на девушку.

– Привет, Лиззи.

Девушка не посмотрела на него. Голова опущена, плечи поникшие. Такая же выцветше-блондинистая, как и мать, но хоть корней не видно.

– Пройдемте, – пригласил их Тревор. – Расскажите обо всем по порядку.

Он повел их к комнате для допросов.

– Учтите: мы не хотим сразу всплыть в новостях, – отчеканила Франсина у него за спиной. – Не хотим, чтобы нам перемывал кости весь город.

Он открыл дверь и отступил на шаг, пропуская их.

– Это понятно? – уточнила Франсина.

– Все пока что останется между нами тремя, – устало кивнул Трев.

Девушка смерила его настороженным взглядом, прежде чем войти. Она явно недавно плакала, лицо выглядело свежеумытым. Трев подумал, что она была бы симпатичнее, если бы попробовала улыбнуться. Она была ниже матери, но унаследовала те же стройные бедра и грудь, слишком большую для общей ее худощавости. Наверное, подружки завидовали, а парни млели.

Она была одета в свитер с длинными рукавами, бывший ей, несомненно, впору года два-три назад. Хотя, может, она намеренно купила именно такой, на размер-другой меньше. Да и джинсы явно задуманы именно такими – выцветшими,

потрепанными, в дырках. Модные прорехи, модный износ. А выглядит – смешно: будто на нее лилипут с ножом кидался.

Приторный запах духов коснулся ноздрей Трева, когда девушка шагнула через порог.

Более экзотичный ароматический шлейф стелился за Франсиной. Не просто сладко-мило-бессмысленный, а с нотками зрелого виски и застарелого сигаретного дыма.

Тревошел за ними в комнату.

– Садитесь, пожалуйста. Сделать вам кофе? У нас есть автомат, Лиза. Хочешь «пепси» или?..

– Можем мы просто начать? – спросила Франсин.

Кивнув, он закрыл за собой дверь. Сквозь стекло ему был виден Паттерсон. Сержант, уставившись на него, совершал какие-то неадекватные движения: пританцовывал, вилял бедрами, боксировал воздух и раздувал щеки.

Ну конечно, этот кретин думает, что делает мне одолжение, заперев с парочкой серых мышек. Держи карман шире, Пат. Я-то мог бы сейчас сидеть у О'Кейси. Говорить с Морин. Смотреть ей в глаза.

Он повернулся к женщинам. Те сидели лицом к столу, спиной к нему. Шагнул в поле их зрения, он взял блокнот из стопки на углу стола, выдвинул стул, сел – желая придать общению неформальный характер. Столешница не должна была мешаться, и он сказал себе, что жест не имеет ничего общего с желанием лучше видеть ужимки Паттерсона.

Забросив одну ногу на другую, Тревор пристроил блокнот

на согнутой коленке и обратился к Лизе:

– Как понимаю, вы знали Максвелла Чайди.

– Да, – сказала она.

Посмотрев сначала на него, потом в другую сторону – на мать, почти целиком скрытую из вида Трева, примостившуюся у дальнего угла стола, – она вдруг сделала то, чего он всяко не ожидал: отъехала на стуле от столешницы так далеко, что спинка уткнулась в подоконник. Теперь она не разделяла Трева с Франсиной.

Потом обе женщины повернули свои стулья к нему.

– Они встречались, – заявила Франсина. – Я об этом ничего не знала. Думала, она все еще ходит с Бадди Гилбертом.

Трев извлек шариковую ручку из кармана рубашки и записал имя.

– Как долго вы встречались с Максвеллом? – спросил он девушку.

– Пару недель, – не глядя на него ответила та.

Ее взгляд был прикован к обтянутым джинсовой тканью коленям. Ее пальцы перебирали бахромчатые края одного из разрезов. То был, к слову, не самый верхний – парочка имелаась и сильно повыше колена.

– Она держала меня в полнейшем неведении, – сказала Франсина, вынимая из сумочки пачку сигарет. – Знала бы я – быстро бы положила этому всему конец. Уж поверьте – прежде чем прикурить, она оторвала фильтр и бросила на стол. – Не то чтобы я ханжа какая-нибудь, нет...

– Кто угодно, только не ты, – пробормотала Лиза.

– Верно. Не я, – метнув недовольный взгляд на дочь, она пихнула сигарету в угол рта и высекла из зажигалки «Бик» маленький огонек. – Но, юная леди, я пожила побольше, чем вы, и, уж поверьте, *знаю*, что вы допускали большую ошибку. – Сигарета ходила вверх и вниз, пока она говорила. Лиза продолжала теревить края прорехи на джинсах. – Уж что я знаю наверняка, так то, что если белая девушка, вроде вас, увивается за черным парнем, рано или поздно будут неприятности. И я оказалась права, не так ли? Ну разве не так?

– Так, наверное, – пробормотала Лиза.

– «Наверное». Мальчишку убили, неужто не понимаешь? Лиза поникла пуще прежнего.

– Думаешь, был бы он мертв сейчас, если бы не водился с тобой?

– Лиза, – вклинился Трев, – ты знаешь, кто его убил?

– Не совсем.

– Расскажи ему то же, что и мне, – приказала ей мать.

Она взглянула на Тревора, нахмурилась, вцепилась пальцами в край прорехи на джинсах.

– Я думаю, это Бадди и его друзья... это они сделали.

– Бадди Гилберт, – уточнил Трев.

– Да. Видите ли, ему не понравилось, что я его бросила. Прошлой ночью после соревнований была дискотека. В тренажерном зале. Бадди заявился со своими друзьями. Они были все пьяны, понимаете? Бадди попробовал влезть меж-

ду нами и танцевать со мной, ну я ему и сказала отвязаться. Как он взвился! Прямо реально противным стал. Пошел обзывать Максвелла по-всякому. Понимаете? – Она подняла глаза на Трева, будто любопытствуя, какой будет его реакция. – Черножопый, негрила, папуас, Пятница, афромазик. Всё в таком духе. А еще его взбеленило, что у черных парней обычно причиндалы побольше будут...

– Боже, Лиза! – воскликнула ее мать.

– Ну, я говорю, как было. Будто бы из-за этого я его на Максвелла сменяла.

– Об этом обязательно говорить *здесь*?!

– Все в порядке, – сказал Тревор девушке. – Что произошло потом?

– Ну, Максвелл просто стоял и молчал, подошел мистер Шерман – он завуч – и разогнал всю Баддину компашку.

– Ты знаешь имена друзей Бадди?

– Конечно. Дуг Хайнс и Лу Николсон.

Лу здесь не хотелось быть. Лучше уж – у себя дома, в кровати, с подушечкой в обнимку. Но когда Бадди говорит – идем, нужно идти, тут уж ничего не попишешь.

Не так-то уж, черт возьми, и плохо быть не дома. Здесь он хоть не один. Здесь – хоть какое-то веселье, дружбаны, выпивка. А что до прошлой ночи – так или иначе, все это забудется. Сотрется из жизни и из памяти, рано или поздно.

И вот уже сейчас, будто во исполнение его желаний, *начало* забываться – потому что Шейла, его девка, не упустила момент и уселась на колени не к нему, а к Бадди. Покачалась игриво вверх-вниз, ухватила за ухо пальчиками.

– Как собираешься веселиться, когда с тобой ни одной девчонки нет?

– Кто сказал, что нет? – Бадди хлопнул ее пониже спины. *Они просто дурачатся*, – сказал себе Лу. Но внутри росло недовольство.

Шейла улыбнулась ему через плечо и сказала:

– По-моему, мой дружок завидует.

Лу пожал плечами.

– Это кто, это я-то?

Дура. Ему захотелось взять ее за шкурку и сдернуть с коленей Бадди.

А та уже обратно к тому повернулась, запустила пальцы

В ВОЛОСЫ.

– Лу, похоже, не возражает, – говорит и лыбится.

– А ты, наверное, никогда не возражаешь.

Бадди запустил руку ей под фуфайку, оттянул застежку лифчика далеко вниз и отпустил. Лу услышал шлепок, Шейла вздрогнула:

– Ай!

Дуг и Синди рассмеялись с другой стороны дивана, и Лу почувствовал прилив облегчения. Шейла скатилась с колен Бадди, умудрившись при этом не расплескать свой ром с колой.

– Вот же ж скотина, – сообщила она. – Я-то тебя развеселить хотела.

Бадди недобро улыбнулся. Она попятилась.

– А я и так веселый. – Он посмотрел на Лу и поднял брови. – А ты, Луи, чего не весел?

Лу не смог сдержать улыбки.

– Отвали, у меня все зашибись.

– Ну и придурки вы все, – сказала Шейла. Хихикая, она повертела отставленным средним пальцем у виска, потом подошла к Лу и села перед ним на пол. Он наклонился и погладил ее по спине. – Найдите уже Бадди кого-нибудь, а то он бесится.

– Есть у меня уже девчонка, – произнес тот.

– Кто? Лиза?

– Угу. Верно.

Дуг, сидевший на дальнем конце дивана – одним боком к Синди, другим к бутылке с мартини, – подался вперед, чтобы зыркнуть на Бадди.

– Думаешь, она сейчас целиком твоя?

– Да. Теперь, когда Ссыквелл отправился в самое большое гетто на небесах...

Синди прыснула.

– Это ужасно, – сказала она сквозь смех и помотала головой.

– Больной ублюдок, – ввернула Шейла, улыбаясь от уха до уха.

Лу задался вопросом, как бы эти две фифы среагировали, если бы узнали, кто препроводил Максвелла в пресловутое небесное гетто.

– Эй вы, – лениво протянул Дуг, – постыдились бы, тут вам не шутка.

– В любом случае Лиза сегодня с кем-то нянчится, – сказала Синди. – Так что она даже если захочет – не притащится.

Она не захочет, – подумал Лу. – Боже, да она знает, что это наших с Бадди рук дело, подозревает нас – как минимум.

– Забудь о ней, – посоветовала Шейла. – Я-то все понимаю, знаю, в какой она тебе кайф, но, черт побери, она послала тебя на все четыре стороны...

– За-ради негрика, – добавил Дуг.

– Знаю. Но с ней я еще не закончил.

Ой-ой-ой, – подумал Лу. Все смолкли. Повисла тяжелая пауза.

Бадди поставил пустой бокал на стол.

– Не знаю, как вы все, а я вот с голода подыхаю.

– О, так у тебя жратва есть? Какая? – сразу приободрился Дуг.

– Вы что, засранцы, думаете, я *готовить* вам буду? – ответил Бадди убийственным тоном. – Ну-ка быстро кто-нибудь стрельнул в «Мак».

– Я с Шейлой могу пройтись, – вызвался Лу.

– Так классно сидеть. Не хочу никуда идти, – захныкала Шейла.

Она прислонилась к обитому тканью передку стула Лу, подняла руку и пристроила ее меж его ног. Локоток забросила на его коленку. Он почувствовал, как ее грудь вдавилась в его ногу.

– Да, кстати, – сказала Синди. – Почему бы просто не заказать что-нибудь?

– Китайская кухня? – ухмыльнулся Дуг.

– Фу, – скривилась Синди.

– Как насчет пиццы? – спросил Бадди.

– Вот, другое дело! – оживилась Шейла.

– Удваиваю, – улыбнулась Синди.

– Пойдет, – кивнул Лу, которому и впрямь расхотелось подпрыгивать и нестись к «Макдоналдсу» – тем более сейчас, когда сиськи Шейлы возили по ноге.

Он слегка подвигал голень вверх-вниз. Она не возражала. *Все-таки хорошо, что я дома не завис*, – подумал он, поглаживая ее шею.

Все его мысли сосредоточились на Шейле, пока другие обсуждали, какую пиццу заказать, чем ее заправить, и вообще, хватит ли всем одной. Когда Бадди потопал к телефону оформлять заказ, он отметил его уход самым безразличным краешком сознания.

Шея Шейлы была на ощупь как теплый бархат.

Жаль, что ее сиськи с его ногой разделяет так много одежды.

И даже сквозь всю эту лишнюю ткань – ощущения классные.

А если еще учитывать то, что она явно не возражает...

Интересненько у нас с ней может сложиться, – подумал он.

Бадди вернулся на свое место на диване.

– Готово, – известил он. – За полчаса обещают доставить.

Дуг посмотрел на наручные часы.

– Это, выходит, в десять минут восьмого? Не знаю, протяну ли я еще так долго без жратвы.

– Давай еще выпьем, – предложил Бадди.

Дениз припарковалась на пустующем участке тротуара перед домом Фоксвортов. Выключила фары. Бросив ключи в сумочку, она подняла левую руку над головой, пытаясь поймать блик тусклого уличного света, льющегося сквозь лобовое стекло.

Без двадцати семь.

Хорошо управилась, – подумала она. – Уже меньше времени уходит на переодевание и причесывание перед выходом в люди. Растем.

Если Лин и Джон не затянут выход – без проблем доберутся до ресторана к означенным семи часам вечера.

Она вылезла из машины, заперла за собой дверцу и поспешила к дому – с мыслями о том, что куртку надеть все-таки стоило.

Тут ведь не так уж и холодно, – попробовала она убедить себя.

Сжав зубы, Дениз попыталась унять дрожь, но ночной воздух, казалось, проскальзывал прямо под свисающие полы ее замшевой рубашки и проводил холодными щупальцами вверх и вниз по ее коже. И, если уж она не набросила куртку и не сталаправлять полы – кому вообще придет в голову заправить замшевую рубашку, – стоило хотя бы поддеть под нее футболку. *Поздно спохватываешься, – подумала она.*

Потоптавшись на крыльце, она позвонила в дверь и стала ждать, прижав руки к животу и стараясь спасти хоть какую-то часть тепла.

И чего они там возятся? Вроде же торопились.

Сжав ноги вместе, Дениз потеряла их друг о дружку. Ее вельветовые брюки мягко зашуршали.

Наконец Лин открыла дверь.

– О,ходи,ходи! Как же ты меня выручила! Слов нет.

Дениз вошла в фойе, умудрившись не выдать вздох облегчения, когда воздух внутри окутал ее своим теплом.

– Мы уже почти готовы выходить, – сказала Лин. – Давай только скоренько пробежимся по главному. Эй, Кара! – позвала она. – Смотри, кто пришел!

Девятилетняя девчушка, сидевшая на полу в позе лотоса и увлеченно щелкающая кнопками джойстика, оглянулась и беззвучно произнесла:

– Привет!

Ее задорная ухмылка будто говорила: *не стоит мешать маминому веселью.*

– Мы будем в «Эджвуде», я тебе говорила? – продолжила Лин, таща Дениз на кухню. – Вернемся не слишком поздно, можешь разрешить Каре посидеть подольше... или не разрешай... в общем, все равно. Можешь приглашать друзей – холодильник полон, буфет – тоже, Кара тебе все покажет, – остановившись в дверном проеме кухни, Лин обернулась и ткнула пальцем в стенку. – Вон там – телефон! Понадобим-

ся – звони в ресторан, не стесняйся. Вот тут вот – номер, – она постучала длинным ухоженным ногтем по блокноту возле телефона. – Ну, и все остальные тоже там... полиция, пожарные... думаю, они тебе не понадобятся, – она повернулась к Дениз с улыбкой. – Слушай, я ничего не забыла? У меня такое чувство... будто все время что-то упускаю из виду.

Вы успокаиваться забываете, миссис Фоксворт, – подумала Дениз, а вслух сказала:

– Что-то мне тоже ничего в голову не идет. По-моему, всё.

– Вот и славно! Вот и славно. Как же я рада, что ты здесь. Сегодня все довольно серьезно, и... как думаешь, я выгляжу нормально?

– Потрясно, – заверила ее Дениз.

Понизив голос, Лин сказала:

– Между нами, девочками, Джон думает, что это платье... – она скорчила гримаску и подняла глаза к потолку: – Слишком вызывающее, вот.

Она покружилась на месте.

Верх глянцево-синего, поистине королевского платья был срезан под большим углом, оставляя только одно плечо и один рукав. Наклон захватывал правую грудь крайне условно, оставляя большую ее часть превосходно видимой со стороны, и далее плавно уходил через бок на спину. От левой ягодицы начинался симметричный, столь же рискованный срез, сбегавший вниз и кончавшийся почти у щиколотки правой ноги. Туфли на высоких каблуках были такого же

синего цвета. На Лин не было чулок, но это лишь подчеркивало хороший загар ее ног. По тому, как платье плотно облепило ее тело, Дениз решила, что вряд ли под ним на миссис Фоксворт надето что-то еще.

– Надеюсь, в ресторане будет тепло, – заметила она.

Лин поморщилась.

– О боже. Я слишком неприлично выгляжу?

– Вы выглядите прекрасно, поверьте.

Она, опустив голову, окинула себя взглядом.

– Ох. Ужас. У меня ведь есть прекрасная шаль. Есть горжетка из норки, специально для таких случаев – но Джону не хочется, чтоб я ее надевала.

– Он против меха?

– Он против *показушности*. И вообще, считает, что если на мне норковая горжетка, кто-нибудь непременно захочет стукнуть меня по голове и убежать с ней. Мало добра от всех этих хороших вещей... – миссис Фоксворт вцепилась Дениз в предплечье и посмотрела ей в глаза. – Я все-таки возьму с собой шаль. Надо было раньше догадаться. Она – простенькая. Как там, снаружи, – прохладно?

– Довольно-таки. Я бы посоветовала вам надеть пальто.

– О! Спасибо, что предупредила. Какое же ты чудо. Выручаешь и выручаешь, – Лин улыбнулась. – Но я и сама – не такая уж глупая блондинка, правда-правда.

Отпустив Дениз, миссис Фоксворт вылетела из кухни.

Дениз проводила ее глазами, чуть улыбаясь.

Еще бы мистер Фоксворт не сомневался в выборе платья. Господи, ну и штучка. Если бы Том увидел меня в чем-то подобном, он бы на стену полез с высунутым языком. Хотя у него не будет даже шанса. Потому что раньше него полезут на стену мама с папой, и уж точно не от одобрения.

Она пошла в гостиную и уселась на пол рядом с Карой. Девочка положила джойстик на колени и нажала кнопку. На экране телевизора Марио и Боузер мгновенно застыли: первый в прыжке, второй – с огненным облаком у пасти, готовым вырваться наружу.

– Эй, все в порядке, играй дальше, – подбодрила ее Дениз.

– Я просто на паузу поставила.

– Здорово, что мы снова вместе, – она нежно потрепала плечо девочки. – Давно ведь не виделись, правда?

– С первого мая! С тех самых пор ты со мной не сидела.

Такова была Кара: всегда запоминала точные даты. Дениз улыбнулась ей.

– Зато я была на твоем дне рождения.

– Угу. Хочешь, посмотрим запись? Вышло очень здорово! Хоть сейчас! Я только вот убьюсь...

– Эм, прости, *что*?

– Убьюсь же! Ну, потрачу все жизни Марио. У меня все равно только две осталось. Так что ему уже все равно крышка. Ужасно трудно сосредоточиться, когда мама бежит туда-сюда и сходит с ума. Она *всегда* немного сходит с ума, когда предстоит куда-то выйти. – Кара наклонилась побли-

же и прошептала: – Папа не хочет выходить, кстати. Ну, он, конечно, *всегда* никуда не хочет идти, но в этот вечер все особо серьезно. Я бы сказала тебе больше, если б сама знала! Иногда они от меня много чего пытаются утаить... это очень-очень раздражает. Знаешь, я очень рада, что здесь ты, а не Лиза. В смысле, Лиза – нормальная, но какая-то немного странная и постоянно висит на телефоне со своими подружками. Постоянно. С ней даже не поговоришь. И мне кажется, мебели под ее крышей, – Кара похлопала себя по макушке, – не прибавилось.

Дениз засмеялась и покачала головой.

– А ты все такая же заумь.

– Разве это плохо? – невозмутимым голосом – но с озорной хитринкой в глазах – осведомилась девочка и изогнула светлую бровку.

– Это *здорово*.

– Мы идем! – оповестила Лин.

Дениз оглянулась. Миссис Фоксворт набросила на плечи светлое пальто. Из-под отворотов выглядывали края белой шали с бахромой. В руке она держала синюю миниатюрную сумочку.

– Как дела, Дениз? – спросил Джон, вошедший следом за женой в комнату.

– Прекрасно, спасибо.

– Рад видеть тебя снова. Я думал, ты ушла из сиделок.

– Она делает это только ради нас, Джон, – сказала Лин.

Он покачал головой, улыбаясь. Мистер Фоксворт был большой, грузный человек, неизменно дружелюбный и тихий. Дениз он всегда нравился из-за некой спокойной ауры, что сопровождала его на каждом шагу и уравнивала напористость и нервозность его супруги. Сейчас на нем красовались синий пиджак и серые брюки. Галстук был повязан немного криво – и провис, когда Джон, нахмурившись, склонился к Дениз и осмотрел ее руки.

– Какую из них Лин выкручивала, говоришь?..

– Вот эту, – улыбнувшись, она подняла правую и вяло поболтала в воздухе.

– Не забудь показаться врачу и в следующий раз следи за ней.

– Идем, Джон! – Лин прошла мимо Дениз, присела и поцеловала Кару. – Веди себя хорошо, – сказала она.

– Обещаю, мам!

Джон поцеловал дочку.

– И не устраивай Дениз пытку зубочистками.

Кара усмехнулась и закатила глаза.

– О, папа, ну что ты такое говоришь.

– Не скучайте, девочки, – сказал Джон на прощание и пошел за Лин к двери. – Мы – ненадолго.

Когда они уже топтались в холле, Кара помахала им ручкой.

– Можете повесить цепочку на дверь, если хотите, – напоследок сказал Джон, затворяя за собой и Лин дверь.

– *Они ушли! ВЕЧЕРИНКА!* – завопила Кара, и до ушей Дениз донесся хохот мистера Фоксворта. Потом в замке про-
вернулся ключ. – Я пойду и добыю Марио, чтоб можно было
запись посмотреть. Или ты тоже хочешь поиграть в сантех-
ников?

– Может быть, позже. Пока разберусь с цепочкой.

– Ой, да я сама. – Кара, опередив без труда Дениз, побе-
жала к двери.

– Рада видеть, что у тебя настроение поднялось, – сказала Лин Джону, когда он выводил машину задним ходом с подъездной дорожки.

– Ты же знаешь меня, – крутанув руль, он вывернул на улицу и повел автомобиль вперед. – Когда есть перспектива вкусно поесть...

– Хочешь сказать, что дома тебя вкусно не кормят, подлец? – улыбнулась Лин.

– Да нет же. *Конечно же*, мы могли бы остаться дома. И поесть без этой мишуры.

– Ладно, ладно, не продолжай, – она окинула мужа теплым взглядом. – Думаешь, я не понимаю? Иногда хочется выйти в свет.

– Думаю, Кара с Дениз не заскучает.

– Думаю, я с тобой – тоже.

– Посмотрим.

– Такая прекрасная возможность, Джон. Диву даюсь, почему ты еще не прыгаешь и не пляшешь. Знаю одно – если бы *мне* предложили стать героем большой статьи в популярном журнале, я бы не упустила шанс. Ты себе хоть представляешь?.. Тебя на обложку могут вынести!

– Звучит волнующе.

Никакого его фото в «Пипл» – ни на обложке, ни на стра-

ницах – не будет. И Джон планировал в самом скором времени это прояснить. В то же время хотелось оттянуть развязку на далекое *потом*. Пусть Лин еще чуть-чуть пораздувается от гордости. Порадуется. Ну а после этого ужина можно сбросить камень с души. Ей придется все принять так, как оно есть.

Ты с ума сошел? Хочешь все ей испортить окончательно?

– Знаешь, что я думаю? – спросила Лин. – А вот что: когда историю растиражируют, все сразу ринутся скупать твои рисунки. Возможно, даже будут предложения от художественных галерей. Ну разве не прекрасно? Только представь – заходишь в один из этих залов в Беверли-Хиллз, или в Сан-Франциско, да что там – вдруг даже в Нью-Йорке! – а там...

– Мои работы и без этого всего хорошо продаются, – сказал Джон.

– Ох, ну ладно тебе!..

– И, если кто-то собирается купить мою картину, было бы здорово, если бы он делал это потому, что она ему понравилась. Тронула. А не потому, что ее нарисовал, ну, знаешь, тот самый парень, который спас Велму от какого-то придурка с пистолетом...

– Веронику.

– Да не важно. Знай я, что все обернется именно так – не стал бы ее спасать.

– Не вздумай так говорить даже в шутку, Джон. Ты совершил прекрасный, геройский поступок, и за это заслужива-

ешь известность. Боже, у этой женщины *платиновые* диски, она – *легенда*, и ты спас ее жизнь, – Лин помолчала немного. – До сих пор поверить не могу, что ты не рассказал мне сразу!

– Да ты бы столько шуму подняла!

– Ты проводишь один-единственный день в Сан-Франциско без меня – и спасаешь жизнь *звезды*. И потом – даже не рассказываешь об этом собственной жене! До меня, в итоге, это доносит кто-то посторонний!

– Я не думал, что кто-то еще узнает.

Больше недели по возвращении домой Джон думал, что вышел сухим из воды. Потом – какой-то чертов папарацци преследовал его до самой машины. И не отставал ведь, зараза чокнутая, пока Джон не вывихнул ему руку и не убежал в толпу. Фото лица Джона гаду не досталось, но на снимке машины прекрасно получились номера, и либо этот самый фотограф, либо какой-то случайный доброхот, либо кто-то из сотрудников журнала вычислил его через департамент автотранспорта.

Потом – тот звонок. От редактора журнала, выславшего к нему журналиста и фотографа – для встречи и подготовки статьи. Эксклюзивной статьи. *Случайный прохожий вступает в схватку с вооруженным преступником и спасает жизнь суперзвезды!* А когда Джон ответил: «Спасибо, конечно, но – не стоит», настойчивость этой братии лишь возросла. Но он-то стоял на своем – и не отступал ни на шаг.

Но однажды звонок редактора пришелся на то время, когда он заперся на полчаса в душе. Подняла трубку Лин.

И вот он едет на ужин в «Эджвуд», и там его ждут журналист и фотограф. Ребята, проделавшие долгий путь в пустоту.

— ...И я просто *поверить не могу*, что ты отказал им после первого предложения, — продолжала Лин. Вздохнула. — Хотя, *конечно же*, я верю. Слава богу, он перезвонил и попал на меня.

— Как думаешь, почему, тот сумасброд пытался застрелить Веронику? — спросил мягко Джон, зная, что Лин замкнется в себе, если он повысит на нее голос. — Думаешь, он стал бы в нее целиться, если бы она была никем и ничем? Вот тебе вся прелесть анонимности. Джон Леннон, возможно, был бы и поныне жив, будь он простым починяльщиком телевизоров.

— Теперь ты уже просто *чудишь*. Никто не собирается стрелять в тебя только потому, что ты засветился разок на страницах «Пипл».

— Никогда нельзя сказать наверняка. Какой-нибудь другой придурок может прочитать эту статью и взбелениться от того, что я помешал тому, первому придурку. — Не то чтобы он волновался именно об этом, но всю прошедшую неделю кое-какие действительно тревожные мысли не покидали его. — И вот еще что. Они хотят разместить фото *всех* нас. И что, если твои фотографии попадут в потные ручки какому-нибудь извращенцу, и он захочет нанести тебе визит?

– О, ради бога!

– По-твоему, такого случиться не может?

– Не знаю, честно, но...

– Я вот что тебе скажу: никакими правдами и неправдами они не выклянчат у меня разрешение на публикацию фотографий Кары. – *Или твоих*, – подумал он. – *Или моих. Никакого права они не имеют. Да даже если они наши имена напечатают, я прижму их за вторжение в личную жизнь.*

– Ты – параноик, – заключила Лин со вздохом. – Безнадежный параноик.

– Просто не хочу привлекать к нашей семье лишнее внимание, – проворчал он, стараясь, чтобы голос все же звучал не резко и не громко. – Вот почему, отделив того идиота, я сразу же убежал.

– Вот почему я не могу надеть меховую горжетку на сегодняшний выход, вот почему нам незачем покупать «Порше», вот почему ты даже не пытаешься продавать великолепные картины, которые рисуешь, вот почему мы должны до конца дней прожить на наследство твоего отца.

Хоть эти слова и задели его, Джон пробормотал:

– Ну да, так и есть. – К чему споры? Она ведь права, и он сам это понимал.

– То есть какие-то хулиганы сорвали с тебя парадный пиджак, когда тебе было пятнадцать, и за *это вот* мы расплачиваемся по сей день.

– Меня тогда чуть не убили. Им сильно уперся тот чертов

пиджак!

– Я понимаю, Джон. – Спесь исчезла из голоса жены, теперь она говорила с ним куда участливее. – Но это ведь не повод никогда больше не носить пиджаки.

– А может, если взглянуть по уму – вполне себе повод.

– Нельзя просто вырыть нору в земле и спрятаться там навек.

– Да какая же у нас нора в земле, Лин? И ни от кого мы не прячемся. Есть разница между тем, о чем ты говоришь, и простой скромной жизнью.

– Если бы я тебя не одергивала, мы бы ушли жить отшельниками в лес.

– Вот еще.

– Ты, будь у тебя возможность, в невидимку бы превратился – лишь бы никто на тебя внимание не обращал.

Он подавил смешок.

– Слушай, а ведь неплохая идея.

– Вот тот образ жизни, который ты всю жизнь ищешь. Об этом ты мечтаешь. Человек-невидимка. Абсолютная анонимность.

– Бога ради, да зачем мне вообще о чем-то таком мечтать, Лин?

Но он мечтал. И довольно часто. Но – уж это точно – жене об этом не говорил. То было сокровенное. Таким делиться сложно даже с самыми близкими людьми.

Но, попадись ему джинн в бутылке, исполняющий жела-

ния, в первую очередь он попросил бы именно *это*. И больше бы ему ничего не потребовалось.

Конечно же, незачем быть невидимым все время. Становиться невидимкой на время по собственному желанию – вот что было бы здорово. Не пришлось бы больше волноваться о придурках мира сего, могущих избрать его своей очередной жертвой. Нельзя обидеть, ограбить или убить невидимку. Эту часть его желания диктовала трусость, и он это прекрасно понимал. Другая же часть, не имевшая с трусостью ничего общего, была, однако, не менее постыдной.

В отрочестве самой волнующей и самой любимой его фантазией была та, в которой он, незримый для глаз, пробирается в душевые комнаты девочек после физкультуры. И от этой фантазии он не отказался... разве что со временем девочек сменили молодые женщины – нагие, с блестящей влажной кожей.

Будучи невидимкой, он мог бы провернуть много всего: подслушать что угодно, украсть все, что душа пожелает, отомстить каким-нибудь неприятелям, даже совершить убийство. Не то чтобы ему хотелось чего-то такого – отнюдь, даже намерения никогда не возникало. Дальше подглядываний за женщинами в душе его фантазии едва ли простирались.

Но и этого хватало, чтобы он держал язык за зубами, скрывая свои тайные желания от всех – и от Лин в первую очередь. Она ведь, узнав о таком, сочтет его за потенциально-го чокнутого, извращенца. Как минимум – расстроится, ре-

шив, что растеряла в его глазах привлекательность. Достаточно уже и того, что ей совершенно очевиден его врожденный параноидальный «синдром страуса»: чуть что – голову в песок.

От «Эджвуда» их отделял уже только один квартал. Джон поддал газу на перекрестке и втиснул машину в свободное место у бровки тротуара.

– Зачем мы встали здесь? У них ведь есть парковка, – в голосе Лин звучала мольба.

– Пройтись немножко пешком не смертельно.

– О, Джон!..

– Сэкономим пару долларов заодно.

– Не в этом причина, признайся! Бога ради, кому в голову взбредет угонять эту старушку?

– У них же работают парковочные служащие, верно? Отгоняют машины. А ты знаешь, как я не люблю, когда кто-то посторонний садится за *мой* руль.

– Ну разумеется.

Она открыла дверцу со своей стороны и выбралась наружу.

Джон тоже ступил на тротуар и захлопнул за собой дверцу, не забыв поставить ее на блок. Лин взяла его под руку, посмотрела ему в глаза и вздохнула.

– Я не против пройтись, милый. Все нормально.

– Я знаю.

– Просто... ты иногда *слишком* предусмотрителен.

Он выдавил улыбку.

– Могла бы и привыкнуть.

– Все никак не получается. Наоборот, каждый раз – все больше диву даюсь.

– Уж извини...

– Ты проявил такую смелость, такую решительность – и при этом не хочешь, чтобы хоть кто-то об этом узнал.

– Ну, в конце-то концов, мы здесь? Здесь.

– Угу. По принуждению.

Может быть, нет в этой статье ничего плохого, – думал он, идя с Лин в ореоле вечерней прохлады. Наручные часы показывали без малого семь. До ресторана оставалось пройти пару шагов. Для Лин это будет таким праздником, если я все же соглашусь. В конце концов, они все равно сделают какую-то статью – с моим ли сотрудничеством, без него... Это же «Пипл». Журнал с весом. Никакие угрозы судебными исками их никогда не останавливали.

Но каковы будут последствия?

Он понимал, что, вполне возможно, последствий не будет ровным счетом никаких. Но натура покусывала душу изнутри. Натура пыталась взять верх.

Под портиком ресторана стоял молодой человек, одетый в красную ливрею – видимо, главный по стоянке. Взгляд, которым он удостоил Джона, ясно давал понять, что все *приличные* посетители «Эджвуда» паркуются не где попало на улице, а в надлежащих местах... и за рамки приличий Джон

заодно с Лин только что выпал.

Мистер Фоксворт покраснел.

И даже здесь тебя нет-нет да осудят.

Он потянул на себя тяжелую створку двойных дверей и придержал, пропуская Лин вперед. В фойе «Эджвуда» царил почти такая же темень, что и на улице.

Лин остановилась и расстегнула пальто. Джон принял его. Помедлив, она стряхнула с плечей шаль и, скомкав, запихала ее в рукав.

– Не нужна она мне, – сообщила она ему и широко улыбнулась. – Тут и так тепло.

Взгляды посетителей – по крайней мере, мужской части – сразу сошлись на ней. Наверняка и тут присутствовала пара-тройка тайных фантазеров-невидимок. Которые были бы не прочь поглядеть, как Лин выглядит без этого платья.

– Может, оденешь все же? Это платье, оно... мало оставляет воображению.

– О, дорогой, да не будь ты такой занозой в за...

Сильный удар грома заглушил ее голос.

Прорыв

1

Тоби Барнс, застреленный на поле патрульным Хансоном, был первым, кто умер в ту ночь, когда пошел *черный дождь*.

Первым, но далеко не последним.

Дождь застал Этель Бэнкс, когда она шагала прочь от задних дверей грузовичка с двумя мешками покупок, прижатыми к груди. Она едва не уронила их, когда грянул гром. Впрочем, вскоре они все равно оказались на земле – в тот момент, когда горячие струи дождя обрушились на нее.

– О нет, – пробормотала Этель.

Она нагнулась к упавшему содержимому сумок, думая, как бы это все побыстрее собрать да поудобнее уложить, и заметила, что даже для позднего вечера кругом стало как-то чересчур темно. Наверное, перегорела лампа фонаря у подъездной дорожки. Но вся ее рассыпавшаяся бакалея почему-то *тоже* чернела – прямо у нее на глазах.

И еще от нее стал подниматься пар.

– Интересные дела, – пробормотала Этель.

Куда более интересным было чувство, вдруг накрывшее ее. В иных обстоятельствах она уже бежала бы к дому – прочь от столь неистового прорыва стихии. Но Этель поняла,

что почему-то сейчас *рада* столь внезапному ливню, столь рада, что сдвинуться с места не может. Она так и застыла в полупоклоне, позволяя дождю стекать по волосам, лицу и шее, пропитывать влагой одежду и добираться до самой кожи.

Дождь дарил ей *странные* ощущения.

Яркие, необычные, пробуждающие некое беспокойное стремление, с которым она не могла даже толком определиться. Была некая *зудящая* потребность, но *какая*?

– Этель? – Дождь шумел, хлеща по асфальту, машине, по упаковкам ее продуктов, высыпавшихся на подъездную дорожку, но голос перебил его, будучи громче. – Это ты? Что тут творится?

Сквозь пар и брызги черного дождя она, присмотревшись, увидела неясную фигуру в дверном проеме.

– Это я, Чарли, – отозвалась она.

– Не стой там! Забегай, пока насквозь не промокла!

– Иду! – ответила она и выпрямилась. – Иду, – повторила она, приближаясь к открытой двери. – Иду к тебе, Чарли, – пробормотала она – и побежала, запрокинув голову и улыбаясь дождю.

Она не увидела ступеньку. Споткнувшись, Этель растянулась животом поперек порога.

– Мой бог! – ахнул Чарли. – Ты же вся... Бог мой, Этель, да ты же вся *черная*, как туз пик! Где тебя угораздило?..

Этель рывком подобралась, пригнулась – и распрямив-

шейся пружиной бросилась на него.

Он только и успел выкрикнуть «Эй!», когда ее голова врезалась ему между ног. Потом воздух ушел из легких. Этель обвила руками его бедра и рванула на себя, опрокинув на мраморный пол фойе. Зарывшись лицом в передок его брюк и набив себе хорошенько рот и тканью, и тем, что за ней было, она отчаянно заработала зубами.

Чарли весь выгнулся и отчаянно завопил.

Этель вскарабкалась вверх по его дергающемуся телу. Сев Чарли на грудь, она схватила его за уши. Пользуясь ими, как ручками, она впечатала его голову в пол. Еще раз. И еще. Поначалу звук был – как от падения кокоса. Но с каждым новым ударом он смягчался, а потом и вовсе стал влажным и хлюпающим, будто Чарли под затылок подложили тряпку, не удосужившись толком выжать. Такую набухшую, основательно вымоченную тряпку.

Уиллис Ярдли подписал чеки с оплаты по кредитке, оторвал верхнюю копию и аккуратно заправил в приемник под окошком. Вернув карту в бумажник, он взял купюру в один доллар и купил «Твикс» своему сынишке, Джиму. Мальчуган любил сам пройтись до заправочной станции и выбрать что-то себе под настроение, но так уж вышло, что совсем недавно он подхватил насморк, и Мэгги теперь держала его дома, отпаивая чаем.

Ожидая сдачу, Уиллис сложил свою копию чека и на пару с «Твиксом» определил во внутренний карман пиджака – который, в свою очередь, покинули пачка сигарет и спичечный коробок.

По дороге домой покуришь, – подсказал ему здравый смысл. – *Тут-то, на заправке, лучше огоньком не баловаться, ведь правда?*

Забрав сдачу, он ссыпал ее в карман брюк и вышел за дверь. Вытряхнув одну сигарету из пачки, он зажал ее в зубах. Провел языком по пряным табачным листикам – и тут заметил женщину у первой бензоколонки. Ее руки были затянуты в прозрачные пластиковые перчатки, спасавшие маникюр от грязной работы, и, судя по ее хмурому виду, заправка бака не входила в число ее любимых обязанностей по уходу за машиной.

Может, пойти предложить помощь, – подумал Уиллис. – Или не стоит? Подумает еще, что я ее склеить пытаюсь.

Выглядела она неплохо. Особенно – со спины, наклонившись к колонке. Ее выцветшие джинсы обтянули ягодицы. Голубая футболка – не заправленная и оголявшая потому поясницу, что, наверное, было не очень-то осмотрительно в довольно прохладную ночь, – тоже плотно прилегала к телу, очерчивая контур лифчика и холмики позвонков.

Мерзнет, наверное, потому и хмурится, – решил про себя Уиллис. – Все-таки стоит подойти и помочь.

Вытащив незажженную сигарету изо рта, он сунул ее в карман – прекрасно понимая, что там она, скорее всего, наберется пыли, – и направился к женщине. И тут ночь потряс громовой раскат невиданной силы.

Женщина вздрогнула.

Хлынул дождь, мигом заретушировав яркие огни заправочной станции «Мобил» и обдав Уиллиса черным, волнуящим теплом. Фигура незнакомки стала как-то странно двоиться в глазах, и Уиллис ускорил шаг.

Бензоколонка была помещена под навес, потому женщина не промокла – и не сразу поняла, сколь странного цвета выпали осадки. Потому появление Уиллиса из черной пелены явно застало ее врасплох.

– О господи! – выдохнула она.

– Позвольте мне помочь вам! – выкрикнул Уиллис, протягивая руку к шлангу с насадкой.

– Вы... вы в чем-то вымазались! Это... это что, *дождь* тако...

Одной рукой он отобрал у нее шланг, другой – сгреб за перед футболки, встряхнул хорошенько и толкнул спиной на колонку.

Она открыла рот.

Вот сейчас шуму-то будет.

Запихнув насадку прямо в ее нежно-розовую пасть, Уиллис нажал на рычажок. Бензин полился ей в глотку. Выплеснулся наружу, забрызгал щеки и подбородок. Она закатила глаза, захрипела, задрожала. Руки взметнулись ко рту, но промахнулись мимо шланга. Скрюченные пальцы беспомощно заскребли по горлу.

Вырвав наконечник из ее рта, Уиллис щедро окатил бензином ее лицо и футболку. Потом, замахнувшись, вонзил ей насадку под дых. Незнакомку согнуло, бензин из ее рта выплеснулся на землю.

Отступив, он позволил женщине плавно соскользнуть вниз. Ее коленки ударились о бетон. Она начала падать вперед – и приземлилась на руки.

Поводив наконечником вперед-назад, Уиллис немного полил ей на спину.

Затем, отбросив шланг, он принялся судорожно ощупывать карманы. Наземь полетели копия чека, «Твикс», сигаретная пачка. Желаемое было найдено – и вот Уиллис уже пытался дрожащими пальцами совладать со спичечным ко-

робком. Добрая половина спичек сразу же просыпалась, но, чтобы зачать большой пожар, сгодится и единственная маленькая спичечка.

После первой же искры его руки запылали; он вымочил в бензине и себя, пока расправлялся с этой прошмандовкой. Спичка мгновенно превратилась в угольки в его пылающих пальцах, с которых облезала, сдаваясь напору пламени, кожа. Ну да не беда. Он доведет дело до конца. Он *знает*, как дела до конца доводить.

Уиллис склонился и схватил женщину за волосы.

Чет Бакстер стоял в очереди за своей подружкой, Кристи Лорд. Очередь была за билетами на семичасовой показ фильма «Когда погаснет свет». Громыхнуло – и Чет, и Кристи вздрогнули.

Засмеявшись, Чет прижал ее к себе. Она улыбнулась ему. Освещение померкло. Как только горячие капли забарабанили по его макушке и плечам, Чет обернулся к Кристи – и увидел, как на ее лице растут черные пятна, сливаясь в одно, большое; и вот уже черным-черно все, кроме белков глаз и зубов.

Чет схватил ее за мокрые волосы. Прежде чем он успел откинуть ее голову назад и обнажить горло, ее ногти пропалихали ему щеку. Вскрикнув, Чет ухватился за запястье Кристи.

Кто-то толкнул их. Повиснув на Кристи, Чет повалился на тротуар. Она упала сверху, рыча и пытаясь найти путь к его горлу, в которое буквально зубы чесались впиться.

И тут она замерла.

Чет сжал ее горло обеими руками.

– Нет, – прохрипела она. – Погоди. Давай – их.

Он жаждал выжать из нее жизнь... но слова Кристи заставили Чета поколебаться. Он ослабил на мгновение хватку, и она, вывернувшись, стала отползать от него.

– Их, – повторила она, стоя на коленях, – и простерла руку в черных потеках, указывая и направляя. – Давай – их!

Чет сел, не обращая внимания на встревоженные голоса и крики тех, кто был позади него; тех, на кого обращала внимание Кристи. Вместо этого он уставился на компанию в восемь-десять человек, отчаянно бьющихся между собой. Кто-то уже упал на тротуар, выясняя отношения посредством зубов и ногтей; другие были все еще на ногах. Чет заметил мужика, который бил подростка лицом о гидрант. Увидел женщину, прижатую локтем какого-то здоровенного детины к стене магазина – тот увлеченно тыкал ее перочинным ножом в живот.

– *МОЧИ СУХИХ!!!* – закричала Кристи.

По разумению Чета, прозвучало отлично. Именно это и нужно было сделать сейчас. Замочить тех, кто еще каким-то образом не попал под дождь.

Судя по всему, идея пришлась по вкусу и всем остальным. Они прекратили бороться, отпустили друг друга. Кто-то так и остался лежать на тротуаре. И больше не поднялся. Тела там и бросили. Пошатываясь, уцелевшие, чьи силуэты были смазаны дождевой пеленой, подошли поближе.

Возглавляемые Четом и Кристи, они бросились под навес кинотеатра. Сухие прянули в стороны. Иные покидали укрытие и сами попадали под дождь, но большая часть решила спастись внутри кинотеатра, голосящим потоком хлынув через стеклянную дверь и оттерев парнишку, чьей работой бы-

ло проверять билеты на входе.

Один мужчина задержался у кассы, криками подгоняя девушку-билетера. Когда он потянулся за своим билетом, Кристи прыгнула на него сзади и ударила головой о стекло. Стекло не разбилось. Не сразу, по крайней мере. Но Кристи, Чет и беременная женщина из толпы поочередно били головой мужчины, как тараном, о преграду – пока та осколками не осыпалась вниз.

Мужчина с разбитой головой был отброшен. Беременная женщина рухнула на него сверху.

Девушка в кассе отшатнулась от них – с глазами навыкате и отвисшей челюстью. Похоже, она собиралась открыть дверь за собой и нырнуть в вестибюль кинотеатра, не осознавая, что почерневшие дети дождя ломились к ней уже и *изнутри* – так как успели прорваться и внутрь.

Кристи наклонилась, схватила ее за плечи и потащила на себя. Чет пришел на помощь. Вместе они вытянули визжащую и барахтающуюся жертву на прилавок. Острые стеклянные зазубрины прорезали рукава ее рубашки, превратив их в окровавленные лохмотья. Кристи, отрывая пуговицы одну за одной, принялась стаскивать с нее одежду, пока Чет держал голову.

Показалась бледная, в мурашках, кожа. С каждым судорожным движением грудь девушки подсакивала. Сползая, черный бюстгальтер с кружевами оголил крупные розовеющие полукружья сосков.

Кристи вспорола ей живот осколком стекла.

Зачарованные

1

Морин О'Кейси остановила машину у ближайшего фонаря, бросила беглый взгляд на три коробки с «семейными» пиццами на пассажирских сиденьях, убедилась, что ни одна из них не опрокинулась, и протянула руку за дорожной картой Биксби.

Она искала Галантерейный переулок. Отъезжая от пиццерии, она была уверена, что знает, где его найти. Но, как выяснилось, она спутала его с Гарантийной улицей – и ни о каком Галантерейном переулке не имела ни малейшего понятия.

Ее брат, Рори, наверное, мог бы тут все с завязанными глазами объехать. Он развозил местным пиццу с тех самых пор, как их семейство переехало сюда из Модесто. Если не считать случайных визитов, Морин провела все это время в Сан-Франциско, занятая сначала своей квалификационной работой, а потом – написанием детских книжек. И за визиты эти об обустройстве Биксби она узнала не так уж много. Уж точно в область ее знания не входил Галантерейный переулок.

Собственное невежество начало ее раздражать. Она любила чувствовать себя хозяйкой ситуации. Но взять верх над

развозом пиццы все никак не получалось. Вообще-то, она и думать не думала, что ей придется доставлять пиццу, но семейные обязательства есть семейные обязательства – подкопившая Рори болезнь всех застала врасплох, и она смирилась с тем фактом, что какое-то время ей придется полностью заменить брата.

Галантерейный переулок, как вскоре выяснилось, был всего в трех кварталах от того места, где она сейчас находилась.

– Ага, вот ты где, мелкий негодник, – пробормотала Морин.

Сложив карту, она бросила ее на приборную доску и развернула машину.

Если повезет, она закроет этот заказ и вернется в ресторан к семи двадцати. И даст себе сорокаминутную передышку. Впрочем, у отца наверняка сыщутся еще заказы. И еще, и еще, и еще.

Взбодрись, – сказала она себе. – Это ведь не конец света. Это – временно.

Сегодня Тревора увидеть, конечно, не получится. Но никто ведь не отменял завтрашний день!

Слабенькое утешеньице. Она с таким нетерпением ждала вечера. Вот тогда наконец-то можно будет сбросить привычные джинсы и блузку и позволить ткани платья мягко скользнуть по телу, облечь его, подчеркнуть все его достоинства – так, чтобы они сразу манили взгляд.

Ну, она так или иначе найдет время, чтобы присесть у его столика. Снять пальто. Поговорить с ним по душам.

Морин повернула влево, улыбнулась. *Может, пригласить его сегодня вечером? Он ведь свободен от дежурства, так? Только не испугается ли он? Трев, пусть и полицейский, очевидно, робок. Беднягу может и удар хватить, если я выйду к нему столь открыто. Хотя у меня ведь будет хороший мотив, ведь так? Я новенькая в городе. Кто, если не полицейский, лучше всего поможет сориентироваться, укажет верный путь?*

Он не устоит.

Она тихо рассмеялась.

– Ну разве я не гений? – тихо спросила она саму себя.

Притормозив на следующем перекрестке, Морин подавалась вперед, к лобовому стеклу, и глянула на стоящий на углу знак.

Все верно, Галантерейный переулок.

Она вырулила вправо и поехала по прямой, все еще радуясь элегантности собственного плана. Формально – ни к чему ведь не придраться: это не свидание, но в то же время наконец-то им выпал шанс побыть наедине друг с другом. Пока Трев будет водить ее по городу, ему придется как-то совладать со своей дрожью в коленках.

Приметив номер 3548, выведенный краской на обочине, она остановилась.

Перепроверила адрес, заглянув в бланк заказа, заткну-

тый в кармашек над лобовым стеклом. Галантерейный переулок почему-то отличался весьма скудным освещением. Пришлось зажечь в салоне верхний свет. Адрес она запомнила верно: *переул. Галантерейн., 3548*. Заказчиком значился некто *Бадди*.

Все правильно; все в порядке.

Морин выключила свет и заглушила двигатель. Бросив ключи в карман пальто, она распахнула свою дверь, потом подхватила три белые картонные коробки с пассажирского сиденья. Просунув руку под основание нижней, она почувствовала тепло. Несмотря на то что Морин заплутала, пицца умудрилась не остыть.

Она вылезла из машины и захлопнула дверцу бедром.

Ступив на бордюр и заметив трио мотоциклов, припаркованное прямо на проезжей части, Морин поморщилась. Ничего общего с милыми мини-мотороллерами выходного дня. Здоровенные двухколесные зверюги, передвижные мясорубки. На таких раскатывают татуированные бородатые пираты в банданах и куртках из черной кожи – с заклепками и вышитыми на спинах серебряной нитью черепашками.

Или шпана, воображающая себя живым мерилом крутизны, – подумала Морин и зашагала к освещенному крыльцу дома.

Она была уверена в том, что здесь ее не встретит свора диких байкеров. Даже в Биксби, где жилье стоило дешево по стандартам Калифорнии, домик наподобие этого должен был

обойтись в сумму никак не меньше ста пятидесяти тысяч.

Более чем вероятно, что пиццу заказал себе сын семейства с друзьями...

В размеренный ход мыслей Морин вмешался гром.

Ночь вокруг будто взорвалась. Она вся мигом съежилась.

– Как вовремя! – простонала она и побежала к крыльцу, скрытому под навесом.

Но, прежде чем она оказалась в безопасности, стихия накрыла ее.

Почувствовав, как теплые струйки касаются ее макушки, она замерла.

Приятно. Как же приятно!

Наклонившись, она поставила коробки с пиццами на подъездную дорожку, у самых ног. Сняв пальто, раскинула руки, задрала лицо к небу – чтобы лило и на него. За считанные секунды ее одежда вымокла и прилипла к коже.

Теплая дрожь прошла по всему телу. Прошла, порождая желание раздеться догола и вытянуться на травке. Впрочем, не оно одно. Были и другие. Темные. Станные желания.

Впереди, слева от крыльца, она увидела расплывчатые силуэты ограждающих сад камней, вкопанных в землю. Подбежав, она вытянула один – вышел без труда. Морин чувствовала себя так хорошо, сидя на корточках в промокшей одежде, что не хотела вставать.

Но, представив, как замахивается этим самым камнем и разбивает чье-нибудь милое личико в кровь, Морин подня-

лась. Образ, родившийся в воображении и в красках пляшущий перед внутренним взором, подстегнул ее к действию.

Она дотащила камень до крыльца, поставила его на промокший дочерна картон верхней коробки и подняла сразу все три пиццы.

Улыбаясь, Морин взбежала по ступенькам. У самых дверей она сняла камень, уперев коробки в грудь для надежности, и его краешком нажала на кнопку звонка.

– Пицца приехала! – позвала она.

Опустив руку с камнем, она спрятала его за спину. Чтоб увидели не сразу. В предвкушении того, что должно было вскоре случиться, Морин едва не запрыгала на одном месте.

Дверь открылась.

– ПИЦЦА ПРИЕХАЛА! – выкрикнула она в лицо открывшему подростку.

Тот, крепко сбитый парень с щетиной и россыпью свежих прыщей на подбородке, встретил ее довольной миной... но продержалась та на его лице считанные мгновения.

– Что за... – Она резко выбросила вперед руку с камнем, целясь ему в челюсть.

Руки парня взметнулись – и одна из них врезалась аккуратно Морин в запястье. Боль взлетела вверх по лучевой кости. Камень вылетел из ее онемевших пальцев, отскочил от дверной рамы и канул куда-то в сторону. Следом из ее рук полетели коробки с пиццами.

Она попыталась поймать его в полете, одной ногой уже

ступая внутрь дома, но тут сосунок обеими руками толкнул ее в грудь. Она отшатнулась, оступилась – и почувствовала, как земля уходит из-под ног. Напуганное лицо парня мелькнуло перед ее глазами, потом ее спина и ступеньки хлестко встретились.

Сперва убежало дыхание – потом, когда ее голова обо что-то ударилась с мерзким звуком, и сознание покинуло ее. За мгновение до того, как отключиться, она почувствовала, как где-то в мозгу будто разорвалась граната, плеснув огнем из ее глазниц, носа и ушей.

– О боже, а это что сейчас было? – вскрикнула Франсина и еле-еле успела поймать сигарету, выскользнувшую из пальцев, прежде чем та прожгла столешницу.

Трев и сам вздрогнул, когда раздался далекий гром. Лиза подскочила на месте, ее груди комично подпрыгнули под обтягивающим свитером.

– Думаю, просто гроза, – сказал Трев.

Лиза подозрительно взглянула на потолок, будто ожидая, что он вот-вот обвалится.

– Боже, – повторила Франсина и сжала сигарету губами.

Сигарета тряслась. Сделав всего одну затяжку, она расплющила ее о донышко пепельницы.

– Да не о чем беспокоиться, – заверил ее Трев.

Франсина и Лиза обе уставились на него не мигая. Не стерпев их взгляды, Трев отвел глаза в сторону. За стеклом расхаживал Паттерсон. Вид у него был понурый. Он что-то толковывал Люси, перегнувшись через диспетчерский стол. Та лишь качала головой да пожимала плечами.

– Ладно, – нарушила молчание Франсина. – Поговорим о защите жизни моей дочери.

Трев обернулся к ним снова.

– Простите?

– Моя дочь – свидетель...

– Что ж, определенно, она обеспечила следствие важной информацией, – он глянул на Лизу. – Тебе есть что еще рассказать о прошлой ночи?

Девушка помотала головой. Вновь принялась теревить бахромчатый разрез на коленке джинсов.

Трево обратил взгляд к Франсине.

– Может быть, вам лучше выйти на минутку-другую?

– Я не выйду. Что бы Лиза ни хотела сказать, она скажет это при мне.

– Я вам уже все сказала, – произнесла Лиза недовольным голосом. – Нет у меня больше никаких страшных и грязных тайн, если вы этого от меня хотите.

Трево еще раз стрельнул глазами за стекло – как раз вовремя, чтобы увидеть, как Паттерсон поднимает перегородку и куда-то выходит. Наверное, захотел убедиться, что тот шум *в самом деле* наделал лишь гром.

Он снова посмотрел на девушку.

– Что ж, вы мне очень помогли, Лиза. Я ценю это.

– Я *знаю*, они убили его, – протянула она мрачно.

– Но вы же не видели больше Бадди и его друзей после того, как их вывели из зала?

– Да. Я вам говорила.

– И с Максвеллом вы в последний раз были вместе, когда прощались на школьной парковке, так? Потом вы вернулись к своей машине...

– Я не смотрела по сторонам. Честно. Они, возможно, уже

караулили его там, и я их просто не заметила. Неужто не понимаете? Они могли припарковать мотоциклы в местечке поукромнее. Где их не было бы видно. За автобусом, например. Их там всегда стоит несколько штук.

– Вы должны обеспечить нам полицейскую защиту, – потребовала Франсина. – Мы не можем просто уйти отсюда и сделать вид, будто ничего страшного не стряслось. Эти парни захотят разобраться с Лизой. Уж поверьте.

– Сомневаюсь, что у них будет возможность, – ответил Трев. – Мы разыщем их этим же вечером и приведем на допрос.

– О, прекрасно, – пробормотала Лиза. – Тогда они поймут, что я проболталась.

Трев улыбнулся ей, потом постучал пальцем по раскрытой странице служебного блокнота, покоящегося у него на ноге.

– У меня тут целый список людей, которые видели, как эти парни вели себя на танцах. Бадди и его друзья никогда не узнают, с кем конкретно я говорил. И сам я, конечно же, им не скажу.

– Они далеко не глупы, – бросила Лиза.

– Будь так, они бы не пошли на убийство того юноши. Бытовая душегубка не требует много мозгов. Можете мне доверять в этом вопросе.

Франсина ухмыльнулась.

– А вы, значит, сержант Престон с Юкона?²

² Персонаж одноименного приключенческого телесериала-вестерна, шедшего

– Нет, мэм.

– Значит, Джо Фрайди?³

– Два моих любимых экранных копа.

– О, не смею сомневаться!

Поднявшись, Трев бросил блокнот на стол.

– Мы поговорим с Бадди, Дугласом и Лу сегодня. Потом – посмотрим, как будут развиваться события.

– И непременно оповещайте нас о ходе расследования, – сказала Франсина.

Это была не просьба.

– Ну конечно, – кивнул Трев.

Мать с дочерью встали. Трев открыл перед ними стеклянную дверь.

– Я действительно благодарен вам за то, что вы нашли время прийти сюда. И – Лиза, если вы вспомните что-нибудь еще, что может...

Шум, перебивший Трева в этот раз, точно не был раскатом грома.

Он резко обернулся на звук выстрела – и увидел, как стул Люси кренится прочь от стола, голова хозяйки которо-

с 1955 по 1958 год.

³ Вымышленный персонаж, созданный и сыгранный Джеком Уэббом в качестве ведущего для его сериала «Драгнет». Фрайди изображается как детектив в полицейском управлении Лос-Анджелеса; впервые появился 3 июня 1949 года на премьере радиопостановки NBC, которая положила начало сериалу. Уэбб играл этого персонажа на радио, а затем на телевидении в 1949–1959 годах и снова в 1967–1970 годах, также появившись и в фильме 1966 года, снятом для телевидения.

го только что взорвалась беспорядочно-красным фонтаном, забрызгав стену и пол.

– Ложитесь! На пол! НА ПОЛ!!! – крикнул Трев, опускаясь на корточки в дверном проеме и шаря по боку в поисках револьвера.

Вымазанное в чем-то черном нечто – как это мог быть Паттерсон! – выпалило в Люси еще раз. В грудь. Она свалилась со стула. Ее ноги взлетели на мгновение над столешницей – и обрушились на пол, в таком неуклюжем обратном сальто.

Потом пистолет Паттерсона обратился дулом в сторону Трева.

– Черт возьми! – Трев пригнулся и зажмурился.

Пули засвистели, казалось, над самой головой, у лица. Улучив момент, он вытянул руку со своим оружием и разрядил в сторону стрелявшего всю обойму.

Не все выстрелы достигли цели, но как минимум две пули ударили Паттерсона в грудь, еще одна задела по горлу – и тот повалился за стол, скрывшись из виду.

Хватая ртом воздух, Трев переложил пистолет с опустевшей обоймой в левую руку. Ухватившись за стальную раму двери, он подтянул себя и кое-как встал прямо. Бросил взгляд через плечо – Франсина, упав на руки и колени, таращилась на него с пола дикими глазами. А Лиза стояла. Замерла позади матери, прижав руки к щекам.

– Вы в порядке? – крикнул Трев. Собственный голос был

едва различим сквозь звон в ушах. Вопрос, впрочем, был чистой формальностью. Треву и так было видно, что они не пострадали. — Стойте здесь, — бросил он им.

Пошатываясь и подергиваясь, он зашагал через проем к собственному столу. Оказалось — хотя, скорее, показалось, — расстояние до него было солидное. Трев осторожно заглянул в проем между столами — сомневаясь, впрочем, что Паттерсон смог бы подняться и открыть огонь еще раз. Две пули в грудь и одна под кадык — не шуточки.

Под ногами бряцали стреляные гильзы.

Из верхнего ящика своего стола Трев достал коробку патронов. Попытался трясущимися пальцами перезарядить револьвер. Два патрона таки выронил — но все же ему удалось забить полную обойму и защелкнуть ее на боек.

Оглянувшись, он увидел Франсину в комнате допросов. Она обвила руку вокруг плеч дочери. Обе были ошеломленными. На грани обморока.

Подошел к Люси. Она растянулась на полу в растекающейся луже крови.

Коммутатор на диспетчерском посту равнодушно мигал огнями. На *каждой* линии висело как минимум по одному вызову.

Что ж это такое творится?

Треву выглянул за край стола. Паттерсон лежал на спине, револьвер покоился на полу у его правой руки. На лице белели одни только глаза да зубы. На горле — красная полоса,

в груди – две багровые дырки. Серебром поблескивал полицейский значок. Синими остались форменные брюки – но только ниже колен.

Все остальное было *черным*.

Влажным и черным. Будто, выйдя на улицу, Паттерсон попал под струю нефти из неведь каким образом открывшейся скважины.

– Все в порядке? – дрожащим голосом позвала его Франсина. – Он... он больше не будет стрелять?

– Не будет, – отстраненно покачал головой Трев.

– Кто... кто это был? Почему он застрелил ту женщину? Почему...

– Это был сержант на дежурстве, – сказал Трев. – Почему? Спросите что полегче...

– Подождите... так это тот... это мужчина, с которым мы говорили?..

– Да, – сказал Трев, перелезая через стол. Опустившись на пол у ног Паттерсона, он произнес: – Оставайтесь на месте. Я скоро вернусь.

Поначалу он решил подобрать пистолет Паттерсона. Или хотя бы отпасовать его ногой подальше от тела. Но потом он решил не нарушать картину происшествия. Лучше все оставить как есть, чтобы не возникло потом лишних вопросов. Потому Трев, миновав тело, поспешил за поднимающуюся перегородку к дверям.

– Не выходите туда! – крикнула Лиза.

А Паттерсон вышел, — пронеслась в голове Трева мысль. — Паттерсон вышел — и вымок в какой-то черной дряни. Черт возьми, что за бессмыслища.

Двойные двери были цвета «металлик», каждая — с квадратным окошком с пуленепробиваемыми стеклами на уровне головы. С улицы несло шипение дождевых струй, полощущих тротуар. Приложив руки к одному из окошек, Трев выглянул наружу.

Что-то было не так с освещением. Подъездная дорожка и парковка полицейского участка, обычно освещенные яркими натриевыми фонарями, теперь были едва-едва видны. Очертания двух автомобилей — его и, вероятно, Франсины — тоже угадывались с трудом.

Отступив от двери, Трев пнул дверь ногой. Навстречу ему влетели мягкий бриз и шум ливня. Он понюхал воздух, ожидая учуять гарь или какую-нибудь едкую химию — но нет, ничего подобного. Обычный свежий запах дождя.

Когда дверь качнулась назад, Трев застопорил ее носком ботинка.

Площадка прямо за дверью, под навесом, казалась сухой. Но он решил не рисковать без особой нужды.

Паттерсон вышел на улицу. И гляньте, что произошло. Может быть, эта черная дрянь сыграла с ним такую злую шутку? Звучит бредово. Но факты таковы: вышел он нормальным и сухим, а вернулся вымоченным черт знает в чем и свихнутым. Убил Люси ни с того ни с сего.

Похоже, эта черная дрянь – дождь.

Свет, шедший наружу изнутри участка, не позволял Треву однозначно определить цвет низвергающегося с небес водопада.

Но если сам дождь не был черным, то чем же окатило Паттерсона? И почему фонари с парковки не видны?

Отщелкнув ногой металлический стопор, придерживающий дверь от захлопывания на замок, Трев вышел наружу. Сделал несколько осторожных шагов. Замерев у самого края навеса, уставился на завесу падающей воды. Она была темной, определенно. Но, черт возьми, сама ночь была темная.

Хоть он и не мог быть уверен в том, что дождь цветом уподобился чернилам, он видел бледные клочья пара, поднимающиеся от тротуара перед ним.

Горячий дождь? Нет, это определенно что-то новенькое.

Трев вытащил сложенный белый платок из кармана, скомкал и бросил навстречу ливню. Ткань развернулась в воздухе. Попад под первые же капли, она сразу перестала быть белой. Стремительно чернеющую тряпицу приколотило водой к асфальту, и вскоре она слилась с ним – да так, что и не углядишь, где начинается одно и кончается другое.

– Срань господня, – пробормотал Трев.

И рванул обратно в участок.

Кара не вздрогнула, но выражение, появившееся на ее лице, рассмешило Дениз: глаза распахнулись широко-широко, по лбу поползли морщинки, нос сморщился, уголки губ опустились – такая странная смесь испуга, неверия и удивления. Она будто увидела привидение, внезапно выплывшее из темного коридора.

– Молись, чтобы эта рожица к тебе не прикипела.

Кара не сказала в ответ ни слова, но Дениз не составило труда прочитать по губам девочки беззвучный шепот: *что. это. сейчас. вот. было?*

– Либо гроза, – вздохнула Дениз, – либо конец света. Выбирай, что по душе.

Кара поморщилась еще раз.

– А тебе по душе что?

– Думаю, гроза.

– А! И мне тоже. Хотя не люблю грозы.

Она нажала кнопку отключения звука на пульте и замерла в тишине. Дениз слышала стук капель о крышу дома.

– Обломный дождь, – сказала Кара. – Надеюсь, у мамы с папой все будет хорошо. Потому что когда идет такой обломный дождь, с неба что-то непременно обламывается и падает кому-нибудь на голову. Коты, например. Собаки, – она улыбнулась. – Только если котам везет падать на все четыре

лапы, собаки, скорее всего, сломают шею, правда? – Наклонившись к Дениз, девочка прошептала: – А ты только представь, какая будет мешанина на газонах! Куда ни глянь – собаки лапами кверху! Какой *раздрай*!

– Не самый красивый пейзаж, – призналась Дениз.

– А я люблю раздрай! Чем больше – тем лучше.

– Не хочу тебя огорчать, но, думаю, такого сегодня не будет.

– А знаешь что? Надо, наверное, достать *свечи*! В прошлом году на День благодарения была такая же погода, и, представь, во всем доме отрубился свет! И вообще все электричество, – тут Кара нахмурила лоб, будто в глубокой задумчивости. – Вот *черт*, тогда мы попкорн не сделаем... Побежали делать попкорн! – Она вцепилась в Дениз и начала ее трясти.

Та, смеясь, принялась щекотать Кару:

– Нечестно! – завопила та, сама лопааясь от хохота.

– То раздрай, то свечи, то попкорн. Странная же ты девочка!

Кара потащила ее на кухню, сунула в руки сковородку и высыпала туда пяток твердых кукурузных шариков.

– Разберись с маслом, – в руки Дениз уткнулась бутылка. – Давай быстрее! А то сейчас как отключат свет, и ты весь пол замаслишь!

– Тут как раз для тебя, – подмигнув, заметила Дениз, – а что насчет меня?

– Ты – как мой папа, – хмыкнула Кара. – Всему надо учить. Если высыплем *всё*, оно будет лететь во все стороны. А, черт с ним! Пойдем со мной!

– Куда?

– На фарфоровый трон.

– *Куда?!*

– Мне *отлить* нужно!

– Это... требует моего присутствия?

– Конечно! Я же не хочу остаться одна, когда отключат свет? Знаешь, что тогда будет?

– Ты *весь пол замаслишь*, – ухмыльнулась Дениз.

Кара захихикала.

– Ух, была бы сила – я б тебя побила.

– Жестокий, жестокий ребенок.

– Ага, – подмигнула Кара.

Конечно, было странно вести ее в туалет. Из-за худобы девочка казалась выше, чем на самом деле, – едва ли не по плечи Дениз.

Но все же ей всего девять.

Несмотря на кажущуюся высоту, несмотря на то, как она говорит, – она всего лишь ребенок. Которому не нравятся грозы. Который боится темноты.

– Да не иди, если не хочешь, – донесся до нее голос Кары из коридора. Девочка щелкнула выключателем и вошла в ванную. – Только не уходи далеко.

– Не уйду, не волнуйся.

– Мама сказала, что не возражает, чтоб ты притащила своего друга сюда. Как там его зовут?

– Том.

– И как он? Нормален?

– Не будь он нормален, я бы с ним не водилась.

– Ну так зови его сюда. Будет кому есть попкорн.

– Не знаю, приедет ли он. Там такая буря снаружи.

– Всегда неплохо иметь парня под рукой, особенно если электричество может вырубиться ни с того ни с сего.

– Ты просто хочешь увести его от меня.

– Нет, что ты! – ответ Кары прозвучал едва ли не возмущенно. – Мальчишки – те еще придурки! Все время болтают о всяких эр-тридцать восемь, эм-шестнадцать, эф-семнадцать и прочей такой ерунде⁴! Оружие, самолеты, танки – и все. Как будто я в этом что-то понимаю! Как будто это интересно! Но ты, это, позвони ему. Как далеко он живет?

– В нескольких кварталах отсюда.

– Машина у него есть?

– У его родителей – да.

Послышался шум сливаемой воды.

– Ну так пусть приезжает. Не успеет сильно промокнуть.

– А вдруг ему тоже будет интересно поговорить об эр-тридцать восемь?

⁴ R-38 – дирижабль, разработанный для Британской Королевской авиации в эпоху Первой мировой войны. M-16 – американская автоматическая винтовка калибра 5,57 мм; F-17 Cobra – многоцелевой тактический истребитель, разработанный американской фирмой «Northrop».

– Тогда мы вытолкаем его за дверь.

Кара вышла из ванной, застегнула молнию на джинсах и потянулась к выключателю.

– Руки мыть не будешь?

Она усмехнулась.

– А на них ничего не попало.

– А миска с попкорном у нас будет общая, так ведь?

– Ну ладно, – со вздохом Кара подошла к раковине, открыла холодную воду, повозила ладошками по куску мыла. – Так вот, насчет этого Тома. Из-за меня вы не встретились сегодня вечером. Это несправедливо. Звони ему. Я разберусь с покорным сама.

А ведь было бы неплохо, – подумала Дениз. Хоть она и не жалела, что пошла к Каре, – все время ловила себя на том, что пока они сидели и смотрели запись вечеринки со дня рождения, ее мысли постоянно уплывали куда-то в сторону.

– Хорошо, позвоню, – сказала она, когда они с Карой оказались на кухне.

– Давай.

– Попытка не пытка, – Дениз подняла трубку телефона, висящего на стене.

Пока она набирала номер, Кара, скептически оглядев сковородку с тихо шипящим маслом, зачерпнула ложкой горсть зерен и засыпала внутрь.

После пары гудков трубку подняли.

– Алло? – донесся с той стороны линии женский голос.

– Здравствуйте, миссис Карни! Это Дениз.

– О, правда? Ты к Тому, да? Секундочку. Он здесь.

Кара повозила сковородку на плите туда-сюда, потом оглянулась на Дениз.

– *Он дома?* – беззвучно, одними губами, спросила она.

Дениз кивнула.

– Привет, Дэнни! – отозвался Том.

– Привет! Как поживаешь?

– А, неплохо.

– Я у Кары Фоксворт. Приглядываю за ней. Да-да, та самая несносная девчонка, о которой я тебе говорила – помнишь? – Дениз с Карой перемигнулись.

– А. Здорово. Я как раз о тебе думал.

– Что-то хорошее думал, надеюсь. Не хочешь приехать?

Мать Кары не против, чтобы ты к нам присоединился.

– Серьезно? Эй, подруга, ты слышала этот гром?

– Еще бы не слышала.

– Я думал, небо на землю свалилось.

– Да ладно тебе. Зонттик лишний найдется? Понимаю, там, снаружи, погода шепчет, но если ты сможешь приехать, при этом сильно не вымокнув... Родители Кары ушли ужинать в ресторан, вернутся не слишком поздно. Мы могли бы посмотреть телик, объесться попкорном, ну и все такое прочее.

– Звучит неплохо. Погоди, сейчас узнаю у предков, отпустят ли они меня.

Дениз услышала, как трубка обо что-то ударилась.

– Ну как он? – спросила Кара.

– Отпрашивается у родителей.

– Да ну? В его-то возрасте? – Кара презрительно фыркнула и подбросила зернышки на сковородку. Иные уже начинали трескаться с аппетитным звуком. Чтобы горячее масло не летело во все стороны, Кара накрыла сковородку крышкой.

– Все нормально, – сказал Том, вернувшись к телефону. – Они, конечно, не в восторге отпускать меня на машине в ночь, но я пообещал им не раскатывать на ней особо. Подъеду к твоему дому – отъеду оттуда же. Без проволочек.

– Но у меня-то дома никого нет.

– Эй, если б они узнали, что ты не у себя, да еще и за мелкой присматриваешь, они б меня ни за что не отпустили. Насколько им сейчас известно, ты у себя дома, с родителями, и все, что мы будем делать, – сидеть рядом и пялиться в ящик.

– Какой же ты врун.

– То была ложь во спасение, – поучительно выдал Том. – Так когда мне выезжать?

– Сразу как сможешь. Попкорн будет готов через пять минут!

– Уже лечу, дорогуша.

– Поспешу, а то все остынет.

– Постараюсь поспеть. Увидимся, Дениз.

– Увидимся, – сказала она и повесила трубку.

Обернулась к Каре:

– Ну вот и все, скоро он будет.

– Что происходит?

Голос Франсины звучал зло, будто она пришла в участок в одной только надежде быть застреленной, а теперь все со-
рвалось, и виноват в этом был Трев.

– Знать не знаю, – ответил он, заходя обратно за край стойки. – Там, снаружи, льет черный дождь.

– Вы шутите?

– Не верите – выйдите сами гляньте.

Франсина покачала головой. С Лизой под руку она покинула комнату для допросов, и теперь мать и дочь стояли в проходе между столов, прижавшись друг к дружке. Взгляд Лизы остановился на теле Люси, и лицо девушки позеленело.

– Вы двое, следите за дверью. Кто-то надумает зайти – быстро кричите мне.

Трев ступил в проем между опрокинутым креслом Люси и диспетчерским постом.

– А вы что делать будете?

– Я попробую разобраться, почему на наши линии обва-
лилось так много звонков.

Гарнитура лежала на полу – упав, Люси утащила ее за собой. Трев поднял ее за провод и надел. Наушники были укомплектованы микрофоном, согнутым на уровне губ в дугу.

Тре́в нажал кнопку на щите. Один из диодов перестал мигать, и он услышал шум работающей линии.

– Алло? Алло!!! – женский голос, на пронзительно-визгливых нотах.

– Департамент полиции Биксби, слушаю вас!

– Вышлите нам машину! Скорее! Боже, где вы раньше-то были? Ко мне псих с улицы ломился! Я выстрелила в него! Он пытался залезть в окно, и я в него выстрелила! Не убила, он все еще там... все еще пытается до меня добраться, а я тут одна!

– Не могли бы вы описать его?

– Он весь черный! Больше ничего не могу сказать!

– Негр?

– Да нет же! Весь облит чем-то черным. Господи, да что же это такое творится? Помогите мне!

– Ваш адрес?..

– Ларсон-стрит, четыре-три-два-девять!

– Записал. Держитесь! Я свяжусь с патрульной машиной.

– О, молю вас, только побыстрее!

Тре́в взял рацию и надавил на кнопку вызова.

– Внимание всем постам. Прием.

Один лишь треск помех.

– Боже мой! – вскрикнула женщина. – Боже! Он...

Тре́в съежился, когда по ушам ударили звуки выстрелов.

– Алло? Вы слышите меня? Алло! – закричал он.

Воцарившуюся на краткий миг тишину нарушили всхли-

пы.

– Я здесь, – сквозь рыдания выговорила женщина. – Можете... можете больше не торопиться. Он мертв. Я застрелила его. О боже, боже, где же вы все это время были?!

– У нас тут у самих проблемы! Вы уверены, что он мертв?

– О... да. Да. Точно.

– Ладно, мы все равно вышлем вам наряд, как только появится возможность! Закройтесь получше в доме и попытайтесь успокоиться!

– Да уж успокоишься тут! О господи...

– Не выходите на улицу и никого не пускайте! Там, снаружи, какая-то чертовщина творится!

– Это вы *мне* говорите? Я уже заметила!

– Чуть не забыл, не трогайте тело! Эта черная жидкость на нем... она может быть опасной. Заразной.

– Вы что, думаете, я его трогать полезу? Да ни за что на свете! Заразно, говорите? Он что, был болен?

– Я не знаю. Мне кажется, это все из-за дождя, – добавил он. – Прошу прощения, я должен идти. Берегите себя и не выходите на улицу.

Он повесил трубку.

Сначала сказал, что пошлю ей наряд, потом запретил впускать кого бы то ни было. Хороша твоя логика, Тревор, ничего не скажешь.

Впрочем, рация все равно молчала.

Он еще раз попробовал связаться:

– Эй, кто-нибудь! Хансон? Ярборо? Гонзалес? Пекстон?
Треск и шипение помех – ничего более.

– Где вы все, ребята? Это Тревор Хадсон.

Ни малейшего ответа.

– Поговорите со мной хоть кто-нибудь, черт бы вас побрал!

Ни звука чьего-то голоса.

Отложив рацию, Трев решил принять еще один звонок.

– Вам бы лучше сюда войска вызвать, приятель. Никогда не видел ничего подобного. Тут творится дичь, – заявил авторитетно мужской голос.

– Откуда вы звоните?

– Да с магазинчика на углу Третьей. Гребаный свет! Не, ты только представь: смена моя – того, кончилась, а тут на улице – погром, мать его так! Их тут дюжина чертова, все вопят, все в какой-то дряни вымоченные, бьют окна. Ну не дичь ли? Они людей убивают, приятель. Вот те крест. Я видел, что они устроили в кондитерской через улицу. По-моему, после них там никого в живых не осталось. Так ты пошлешь сюда кого-нибудь, или как?

– Боюсь, прямо сейчас никого отправить не выйдет, мистер...

– А, ну так я и думал. Ну что ж, ладно. Если надумаешь нагрянуть сюда сам, приятель, не говори, что я тебя не предупреждал.

– Просто оставайтесь в магазине и не привлекайте внима-

ния. Мы постараемся, чтобы к вам направили подмогу как можно скорее, но, сами понимаете, у нас тут свои про...

Мужчина повесил трубку.

И тут у Трева похолодело сердце. На Третьей ведь было и заведение О'Кейси. В двух кварталах от помянутой мужичиной кондитерской «Тейсти Донат».

Не мешкай я, как распоследний дурень, я был бы сейчас там.

О боже, Морин, как ужасно я с тобой поступил!

Он вытащил бумажник. Его рука дрожала, когда он доставал купон на скидку. Когда набирал номер телефона, напечатанный на нем.

Все линии по-прежнему были перегружены, потому он отключил одну и с нее набрал номер О'Кейси. Принялся вслушиваться в гудки.

– Давай. Отвечай же, – пробормотал он.

Прошло пятнадцать гудков, прежде чем он сдался.

В сердцах он сдернул гарнитуру с головы и бросил на пол. Франсина обернулась на звук.

– Я должен выйти, – сообщил он ей.

– Под этот дождь? – ее глаза округлились. – Нет, вы этого не сделаете.

– Уверены? Смотрите.

– Меня зовут Пегги, этим вечером я вас обслуживаю!

Джон посмотрел на официантку. Она была выряжена в юбку «крестьянского» кроя с оборками и кружевной корсет, оставлявший плечи голыми, – корсет, столь неестественно плотно подогнанный и зашнурованный, что Джон испугался, что стóит Пегги неаккуратно наклониться или глубоко вдохнуть, как ее не самая маленькая грудь попросту выпрыгнет наружу. По сравнению с этим нарядом – форменным, ибо им здесь щеголяли все до единой официантки, – платье Лин выглядело не так уж и плохо. Но он по-прежнему жалел, что она оставила шаль в гардеробе.

– Не желаете что-нибудь из бара? – осведомилась Пегги.

– Как думаешь, может, дождемся этих ребят из журнала? – спросил Джон жену.

– Ну уж нет, давай начнем, – улыбнувшись Пегги, Лин заказала себе «Маргариту».

– Соль добавить? – уточнила официантка.

– Да, пожалуйста.

– А мне тогда один «Май Тай», – сделал свой выбор мистер Фоксворт.

Когда официантка ушла, он заметил:

– Может, нам повезет и они вообще не придут.

– Ну уж нет, пускай являются.

– Ты уверена, что не напутала с датами?

– Я обвела этот день на календаре. Одиннадцатое ноября.

Семь часов. «Эджвуд».

– Может быть, имелось в виду семь утра.

– Нет, не думаю. Уверена, скоро они покажутся.

– Мокрые до нитки, – добавил он, втайне надеясь, что зонтиков с собой журнальные пройдохи не захватили. Если бы пришли вовремя – не попали бы под ливень; но теперь уже поздно – и хорошо: именно такими, мокрыми и жалкими, этих ребят лучше всего подать к их столику.

Джон ведь даже не знал ни одного из них лично – но они его уже раздражали. Мало того что влезли в его жизнь – так еще вдобавок опоздали на ужин, в котором вроде как были заинтересованы. Даже бронь не оформили. «Эджвуд» был популярным рестораном, так что отсутствие закрепленного столика уже само по себе могло вылиться в проблему. Правда, сегодня, похоже, удача была на стороне журналистов – несколько мест пустовало.

Да мы бы тут все могли усесться по одному на каждый стол, и все равно еще остались бы вакансии, – подумал Джон, уныло оглядывая зал. – *Может, они все же раньше пришли, но нас не узнали?*

Среди находившихся в ресторане он опознал только Стива и Кэрол Винтер. Было еще три пары – мужчины и женщины за одним столом, – ему незнакомые.

– Интересно, какого пола этот Доббс, фотограф? – спро-

сил он у Лин.

– Не знаю. Он упомянул только фамилию, не имя. А что?

– Я просто думаю, не здесь ли они уже.

– Слушай, а ведь правда, – Лин заерзала, стала оглядываться по сторонам. – Ох, Джон, я даже не знаю. А как ты думаешь?

– Ходить от столика к столику и спрашивать «Не вы ли собрались интервьюировать для журнала „Пипл“?» я точно не буду.

– Ладно, будем надеяться, что их здесь еще нет. Да и потом, они же бывалые в таких вопросах, попросили бы кого-нибудь из персонала предупредить, что нас с тобой ждут у такого-то столика.

– Может, ты и права. Хотя я лично считаю, что умственные способности людей из «Пипл» не стоит переоценивать, – хмыкнул Джон. – Они только в чужих делах копать умеют.

Пришла Пегги с их коктейлями, все еще упакованная в свой корсет так, что груди казались придавленными воздушными шариками. Когда она наклонилась над столом, Лин обратилась к ней с вопросом:

– Вы знаете, у нас тут назначена встреча с одними людьми... с мистером Доббсом и его спутником... или спутницей. Просто дело в том, что мы видимся с ними первый раз, и, боюсь, может возникнуть какая-нибудь путаница. Вполне возможно, они уже здесь, просто мы об этом не знаем.

– С радостью уточню для вас список присутствующих, – улыбнулась неизменно приветливая Пегги.

– О, правда? Было бы замечательно. Если окажется, что они еще не приехали, предупредите нас, когда появится кто-нибудь, кто будет искать Джона и Лин Фоксворт... передайте им номер нашего столика и...

– Эй!

Издалека донесся встревоженный женский вскрик. Приглушенные разговоры за столиками, смех и перезвон посуды тут же смолкли. В воцарившейся тишине до ушей Джона долетело звяканье посуды на кухне ресторана и фоновая музыка. Замерли снующие туда-сюда официантки, заскрипели стулья – посетители один за другим поворачивались на звук. Что-то звучно обрушилось – будто опрокинули тяжелый комод.

Потом недоуменно-заинтересованную тишину нарушил резкий крик боли.

– Господи, – выдохнула Пегги.

– Джон? – взволнованно позвала его Лин.

Он покачал головой, всматриваясь вдаль. Фойе, двери и прилегающая территория, видимо служившая основным местом действия, совершенно не просматривалась поверх посадочных мест; вдобавок мешало и то, что их столик находился за углом. Официантки и несколько посетителей уже спешили туда, где что-то происходило.

Мистер Фоксворт встал, оттолкнув стул.

– Нет, Джон! – испуганно позвала его Лин. – Не стоит! Останься со мной!

– Я скоро вернусь, – бросил он через плечо.

Размашисто шагая, он, проталкиваясь вперед сквозь мешающих, свернул за угол.

Там, у входа, творилось что-то странное. Что-то *страшное*.

На полу распласталась молодая женщина в типичном деловом костюме бизнес-леди. Полы ее черного пиджака разошлись в стороны на полу, подобно коротким, обрубленным крыльям. Белая блузка под ним была смята и расстегнута, упругие груди наполовину обнажились. Лицо девушки было пунцовым и искривленным ужасом и болью – ибо, зажав ее талию коленями и придавив весом к полу, на ней восседал неопрятного вида мужчина, методично поднимающий и обрушивающий на нее тяжелую деревянную скамью. С каждой новой атакой сумасшедшего груди ее подпрыгивали – тогда, когда сами не попадали под удар.

Мужчину пыталась оттащить от жертвы плачущая официантка. С нулевым успехом.

Мужчина был растрепан и вымочен в чем-то черном, напоминающем нефть. С трудом Джон опознал в нем парковщика. *О, да это же тот самый, что косо на меня посмотрел.* Развернувшись к официантке, мешающей ему убить женщину в костюме, он, оскалившись, чуть приподнялся и толкнул ее. И тут, едва она отлетела прочь, в него плечом и

бедром, будто таран, врезался выбежавший из толпы парень в спортивной куртке. Вместе с мокрым безумцем они показались по полу. Еще двое мужчин из посетителей поспешили смельчаку на помощь.

Джон сбросил упавшую скамью с женщины. Судя по бейджу, она была менеджером ресторана. Он опустился на колени рядом с ней. Она, обхватив грудь руками, тяжело дышала, ее волосы причудливым ореолом растрепались по полу. Сняв пиджак, Джон накрыл ее – от талии до плеч.

– Вы в порядке?

– Отойдите-ка в сторонку, – слышался голос из-за спины Джона. – Я врач.

Джон, так и оставшись на коленях, отполз в сторону. Сухопарый седой старик присел рядом и сдвинул пиджак Джона в сторону.

– Все в порядке, – ласково произнес он. – Как вас зовут, дорогая?

– Кассандра, – простонала девушка с пола. – Кассандра Уитмен.

– Касси, – мягко сказал старик. – Не возражаете, если я вас так буду звать? Я – доктор Гудман. Уверен, с вами все будет хорошо. Позвольте, – он распахнул ее блузку. Она слабо приподняла голову. – Не волнуйтесь, я только посмотрю. Я не сделаю вам больно.

Дрожь прошла по ее телу, когда он пальцами надавил на ее нижние ребра, где кожа была красной. Джон бросил взгляд

на ее грудь. На сливочной коже начали проступать синяки. Соски были твердыми, лиловыми. Джон почувствовал, как в паху разливается приятное тепло. Может, прийти сюда в этот вечер было не такой уж и плохой идеей.

Он живо пристыдил себя и отвернулся.

Напавший на Кассандру мужчина корчился на полу неподалеку. Его держали за руки и ноги. Парень в спортивной куртке сидел у него на груди. Джона поразило, как мало людей вокруг кричат, задают вопросы, шумят. Наблюдатели, похоже, впали в легкий ступор, и выкрики были немногочисленными:

- Вы держите его?
- Вызовите полицию! Кто-нибудь, позвоните в полицию!
- Что он сделал?
- Да ты только глянь на него!
- Эта женщина, с ней все будет хорошо?
- В чем это он таком черном?
- Что происходит?
- Эй, там, все в порядке?
- Да вызовите уже кто-нибудь полицию, мать вашу!
- Похоже, только ушиблены ребра, – сказал доктор. Голос у него был спокойный и мягкий – в противовес хаотичным выкрикам. – Может быть, несколько тонких трещин. Ничего такого, о чем стоит всерьез беспокоиться, но лучше, конечно же, отвезти вас к врачу и сделать рентген, – он возвратил полу пиджака Джона обратно. – Пока просто полежите не

двигаясь. Некоторое время.

Официантка, пытавшаяся оттащить парковщика от Кассандры, подбежала и присела на корточки.

– О, Кэс! Вы в порядке?

– Жить буду, – поморщилась та.

– Господи, что стряслось с Биллом? Почему он?..

– Не знаю. Но спасибо, что пыталась помочь, Джойс.

– Никаких проблем, Кэс.

Касси привстала на локтях.

– Вам не больно? – спросил ее доктор Гудман.

– Нет... не сильно. Я в порядке, спасибо, – она посмотрела по сторонам, придерживала одной рукой сползающий пиджак Джона.

Доктор Гудман повернулся к нему.

– Мистер?..

– Джон Фоксворт. Я тут с женой ужинал...

– Хорошо, Джон. Почему бы вам не присмотреть за ней, пока я схожу к телефону и вызову скорую помощь?

– Не надо скорую, – покачала головой Касси. – Ни к чему.

Прижав пиджак к груди, она попыталась встать на ноги.

– Не думаю, что стоит делать это сейчас, дорогая...

Не обращая на доктора внимания, она встала. Джон, быстро вскочив на ноги, помог ей подняться, подав руку. Ее собственный пиджак – черный, в отличие от того, что был на Джоне, – остался лежать на полу бесформенным пятном. Она бросила хмурый взгляд на парковщика. В нем, впрочем,

были скорее обида и смущение, чем злость.

Джону впервые выпал шанс рассмотреть ее получше. Вряд ли ей было сильно далеко за двадцать. Она была миниатюрная, правую скулу украшал маленький, давно заживший шрам – вроде росписи скульптора, который сознательно дал прекрасно вышедшей статуе маленький изъян. Изъян, отмечающий человечность и уязвимость. Волосы Кассандры были иссиня-черными – в тон деловому костюму. Интересно, как она выглядит без этого агрессивно-обезличивающего наряда...

Эх, будь я невидимкой...

Джон заставил себя отвернуться от нее.

Люди столпились вокруг нападавшего. Через узкую брешь Джон, тем не менее, углядел, что тот лежал ничком. Кто-то уже успел связать тому руки за спиной и стянуть ноги вместе парой-тройкой брючных ремней.

– Почему он набросился на меня? – тихо спросила Касси.

Джон покачал головой.

– Безо всякой причины. Мы всегда хорошо ладили. Он будто с ума сошел, господа. Ничего не понимаю. И... и в чем это он?

– Я не знаю.

Она посмотрела на Джона.

– Можно пока подержать ваш пиджак?

– Конечно, пожалуйста.

– От моего, похоже, все пуговицы поотлетали. Сейчас,

приведу себя в порядок. – Оглянувшись, она нахмурилась. – Ладно, думаю, их и так увидели все.

Передав Джону его одежду, она кое-как свела полы блузки вместе. Ее грудь предстала его глазам, и Джона бросило в жар.

– Вот черт, – пробормотала Касси, разглаживая блузку как раз там, где застыл взгляд Джона. Он знал, что должен отвести глаза – но не мог этого сделать. – И тут самые важные пуговицы отлетели. – Она бросила грустный взгляд на черную тряпку на полу. – Ладно, посмотрю, что там с моим...

– Возьмите! – горячо воскликнул Джон, протягивая ей пиджак. – Он, конечно, будет великоват, но как раз закроет... ну... вы понимаете...

– Вы уверены? – спросила она его.

– Конечно. Возьмите на столько, на сколько нужно. Хоть навсегда.

– Спасибо. Спасибо вам сердечное. – Касси продела руки в широкие рукава пиджака Джона, запахнула его на груди, застегнула на все пуговицы. – Теплый и удобный, – улыбнулась она ему. Улыбка быстро сменилась гримаской – видимо, дали знать о себе поврежденные ребра. – Ох. Что же делать.

– Ну, вызвать врачей, я думаю...

– К черту врачей. Мне нужно приветствовать клиентов.

– Не думаю, что в такую погоду их будет много. Да и после всего, что произошло...

– Уж простите, но я подхожу к своим обязанностям не

кое-как. Дежурный менеджер должен быть ко всему готов, — она еще раз глянула в сторону связанного парковщика. — Хотя не к такому же, — тихо добавила она.

— То ли еще будет, — добавил Джон.

Будто в подтверждение его слов обе парадные двери распахнулись одновременно. Группа людей закрыла Джону обзор, но ненадолго. С криками и визгом некоторые упали на пол, а другие бросились врассыпную, спасаясь на кухню или в коктейль-бар на другой стороне ресторана. Кто-то остался, чтобы сражаться. Стоявший близко к дверям мужчина рухнул как подкошенный, когда телекамера врезалась ему в висок. Женщина, державшая ее, прыгнула на него, вдавилась коленями в грудь и принялась бить его увесистой аппаратурой по лицу.

Джон подтолкнул Касси.

— Беги! — рявкнул он.

Никто не пришел упавшему мужчине на помощь. Женщина продолжала колотить его камерой с зум-объективом, орудуя машиной словно молотом. Ее волосы, все в черных потеках, сбились в колтуны. С ее лица падали темные капли. Чернильными кляксами были запятнаны ее плечи и грудь.

Рванувшись вперед, Джон столкнулся с женщиной в вельветовом жакете, из чьего рассеченного горла била фонтаном кровь. Брызги полетели Джону на рубашку. Из-за спины раненого показалось нечто, что на человека походило весьма условно — кто-то черный, оскалившийся, с совершенно

безумными карими глазами. Протянув руку, монстр полоснул по горлу мужчине еще раз. Меж пальцев у него были зажаты три тонкие, но жутко острые полоски стали – лезвия.

Джон отпрянул от убийцы и жертвы, едва не наступив на разбитую голову мужчины на полу, которому он хотел помочь. Едва женщина занесла камеру для очередного удара, он пнул ее ногой. Носок его ботинка врезался ей под подбородок. Камера выпала у нее из рук. Она поднялась с колен, но тут же упала на спину, хрипя и хватаясь за горло.

Человек с лезвиями между пальцев наконец-то отстал от мужчины в вельвете – официантка Джойс прыгнула ему на спину кошкой, обхватила за голову, стала выкручивать уши. Еще два человека поспешили ей на помощь, помогли свалить противника. На руку, ошетилившуюся острым металлом, наступили – безумец взвыл. Его стали месить ногами – до тех пор, пока он не перестал голосить и двигаться.

– Нужно запереть двери! – крикнул Джон. – *Заприте кто-нибудь двери!!!*

Касси – менеджер. Она знает, где ключи.

Джон Фоксворт обернулся в ее поисках.

– Касси! – крикнул он.

Тре́в решил не тратить время на поиски зонта. Вряд ли во всем управлении сыскался бы хоть один. Погода была сухая последние две недели, вдобавок метеорологи в один голос обещали жителям города чистое небо над головой еще на несколько дней. Да и потом, даже если бы здесь каким-то чудом нашелся зонтик или дождевик, он бы не доверил им свою безопасность.

Что бы не превратило дождь в черную пакость, сводящую людей с ума, Тре́в подозревал, что одной капельки этой жижи, попавшей на голую кожу или даже просочившейся сквозь одежду, будет достаточно, чтобы заразить и его.

И потому он решительным шагом направился к уборщицкой подсобке. Достав оттуда ворох пластиковых мешков для мусора, он направился обратно к своему столу. По пути ему на глаза попала шляпа-«стетсон» Паттерсона. Он примерил ее. Ковбойка была великовата, но – сойдет и так.

– И что это вы такое делать собрались? – спросила Франсина недовольно.

– Защитный костюм, – ответил он.

– Да бросьте.

Он прошел мимо Франсины и Лизы, выдвинул верхний ящик стола Люси и, покопавшись, извлек ножницы и два мотка скотча. Бросив их на свой стол, он подхватил мешок

и тряхнул, раскрывая. Подскакивая на одной ноге, он продел пятку внутрь, потом, пододвинув кресло, сел и принялся расправлять мешковину на ноге.

– Вы, наверное, шутите, – пробормотала Франсина.

– Там, снаружи, люди с ума сходят. – Ножницами он подрезал горловину мешка, чтобы та кончалась, не доходя до его ширины. – И еще там – один мой друг. Возможно, в беде.

– Друг – это хорошо, конечно, ну а нам как быть?

– Решайте сами. Можете остаться здесь. Можете идти со мной.

– О, *чудесно*.

Трев провел руками по ноге, оборачивая вокруг нее свободно провисающие участки мешка.

– Я закрою двери и оставлю вам оружие.

– Мам, – произнесла тихо Лиза, – мы не можем здесь остаться.

– Тут *трупы*, – кивнув, добавила Франсина.

– Я в курсе.

Закрепив скотчем все, что прилегало неплотно, Трев сделал еще несколько фиксирующих на совесть слоев ленты вокруг бедра. *Не должно сползти*, – понадеялся он про себя, глядя на укутанную в зеленый пластик ногу.

– Это на вас держаться не будет, – заметила Лиза.

– Вот уж посмотрим, – пробормотал он, берясь за следующий мешок.

– Если хотите сделать *нормально* – вам придется надеть

брюки *поверх* мешков.

Он посмотрел на Лизу.

И – впервые увидел на ее лице улыбку.

– А хороша идея. Спасибо.

Пока он отцеплял скотч обратно, Лиза, присев у его ноги, помогла ему стащить мешок.

Тре́в подтянул колено к животу и взялся за шнурки ботинка.

– Нет, обувь не снимайте. У вас пятка потом в них обратно не влезет, из-за всей этой обмотки. *Поверх* ботинок, но *под* брюки.

– Для вас, я смотрю, ситуация не нова? – спросил он.

– Наверяд ли.

Пока он расстегивал брючный ремень, к нему обратилась Франсина:

– Мы должны идти с вами.

Что-то в ее голосе изменилось. Он больше не звучал капризно.

Это все из-за Лизы, – подумал Тре́в. – *Наверное, она под нее подстраивается.*

– Хорошо, – ответил он ей. – Я подведу машину прямо к двери – так, чтоб вы могли выйти к ней и не промокнуть.

Когда он спустил брюки, обе – и мать, и дочь – присели у его ног, и он, в своих семейниках, почувствовал себя перед ними крайне неловко. *Будет тебе – зрелище не из тех, что им не приходилось видеть,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.